

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ТАИНСТВЕННОЕ УБИЙСТВО ЛИНДЫ ВАЛЛИН

АБСОЛЮТНЫЙ ШВЕДСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР #1



Лейф Перссон в очередной раз
подтвердил звание короля
шведского детектива...

ЛЕЙФ Г.В. ПЕРССОН

6 миллионов экземпляров продано в скандинавии

Комиссар Эверт Бекстрём

Лейф Перссон

**Таинственное убийство
Линды Валлин**

«Центрполиграф»

2005

Перссон Л. Г.

Таинственное убийство Линды Валлин / Л. Г. Перссон —
«Центрполиграф», 2005 — (Комиссар Эверт Бекстрём)

В старинном городе Векшё в квартире своей матери изнасилована и задушена молодая женщина – курсант полицейской школы. Убийца бежал с места преступления в такой панике, что забыл рядом с трупом важную деталь своего туалета. Следствие ведут прибывшая из Стокгольма группа сотрудников Государственной комиссии по расследованию убийств и местные детективы. Версии возникают и тают одна за другой, совершено новое преступление, вся полиция поднята на ноги...

© Перссон Л. Г., 2005

© Центрполиграф, 2005

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	14
5	20
6	23
7	27
8	29
9	33
10	38
11	43
12	45
13	52
14	58
15	66
16	70
17	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Лейф Г. В. Перссон

Таинственное убийство Линды Валлин

Copyright © Leif GW Persson, 2005

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Перу Вале и Май Шеваль, которые делали это лучше, чем почти все другие.

1

Векшё, утро пятницы 4 июля

Линду нашла соседка, и слава богу. Куда хуже, если бы ее обнаружила мать. К тому же мать Линды собиралась вернуться домой только вечером в воскресенье, а они с дочерью были единственными жильцами в квартире, так что полиция выиграла массу времени. В расследовании же фактор времени имеет самое важное значение, особенно когда речь идет об умышленном убийстве.

Тревожное сообщение поступило в центр связи полиции Векшё пять минут девятого, и на него сразу отозвался находившийся поблизости патрульный экипаж. Три минуты спустя патрульные дали о себе знать снова. Полицейские прибыли на место, поднявшая тревогу женщина сейчас расположилась в безопасности у них на заднем сиденье, а сами они готовились войти в дом и оценить ситуацию. При этом речь шла о машине, которая должна была стоять в полицейском гараже, поскольку ночная смена закончилась и парням оставалось только принять душ или сидеть в кафетерии в ожидании утреннего разбора полетов.

Звонок принял сам ответственный дежурный, которому тридцатилетний профессиональный опыт помогал без труда отделять зерна от плевел. И поскольку дело выглядело серьезным, а два выехавших на вызов молодых дарования уже успели заработать себе не лучшую репутацию, он сначала решил отправить им подкрепление. Но кого можно найти в такое время? Он как раз размышлял над этим, когда патрульные снова дали о себе знать. Всего лишь через восемь минут и вдобавок по его мобильному, чтобы никто из посторонних не услышал, о чем они хотят рассказать. Часы показывали четверть девятого, и первый отчет коллег с места преступления занял минуту.

Как ни странно, независимо от возраста, малого опыта и не лучшей репутации они выполнили все абсолютно правильно. А мимоходом один из них сделал даже нечто большее. Заработав себе дополнительно маленький плюсики в личное дело, причем таким образом, какого прежде не знала практика полицейских властей Векшё.

В спальне квартиры они нашли мертвую женщину. Судя по всему, ее убили, и произошло это всего несколько часов назад (хотя откуда они могли знать подобное?). Единственной зацепкой в поисках преступника было открытое окно той же комнаты. Оно выходило во двор и позволяло с большой долей вероятности предположить, как именно убийца покинул место преступления.

К сожалению, существовала еще одна проблема. Как утверждал молодой коллега, с которым разговаривал ответственный дежурный, тот узнал жертву, и если не ошибался, то и сам дежурный неоднократно здоровался с ней этим летом и в последний раз виделся вчера после работы.

– Плохо дело, плохо дело, – пробормотал он, казалось, главным образом для себя самого, а потом достал короткую памятку о том, как действовать, если события на службе пойдут по наихудшему сценарию. Запечатанный в полиэтилен лист формата А4 с десятью пунктами и наводящим на размышления заголовком «Если на работе началась всякая чертовщина», он, приходя на смену, обычно выкладывал под покрывавший письменный стол пластик, и прошло уже четыре года с тех пор, как ему понадобилось в первый раз доставать его оттуда.

– Хорошо, – сказал в трубку дежурный. – Мы поступим так...

Затем он сделал все, что от него требовалось. Но ничего более, поскольку подобными авантюрами уже не грешат в его возрасте.

В машине, которая первой прибыла к месту происшествия, сидели двое молодых патрульных полицейских из Векшё. Исполняющий обязанности инспектора тридцатилетний Густав фон Эссен, среди коллег известный как Граф, хотя он всегда старательно подчеркивал, что всего лишь «самый обычный барон». И его напарник, четырьмя годами младше, ассистент Патрик Адольфссон, которого все величали Адольфом, к сожалению, не только из-за фамилии.

На них обоих приходилось почти две сотни килограммов общего живого веса представителей шведской полиции правопорядка. Причем наиболее породистой ее части, тех, у кого преобладали мышцы и кости, а все органы чувств и моторные реакции пребывали в отличном состоянии. Таких, кого мечтал увидеть у себя любой звонивший в полицию насмерть перепуганный гражданин, перед входной дверью которого неизвестно откуда взялись три хулигана, барабанившие по ней ногами и пытающиеся проникнуть внутрь.

Они ответили на вызов центра связи, когда их машина находилась всего лишь в километре от возможного места преступления. Они уже возвращались к зданию полиции, а поскольку движение в том районе в столь ранний час было практически нулевым, Адольф развернул машину на девяносто градусов, вдавил в пол педаль газа, и они помчались к цели кратчайшей дорогой без сирены и мигалки, в то время как Граф выискивал взглядом подозрительных личностей среди тех, кто двигался в противоположном направлении.

Едва они повернули к дому на улице Пера Лагерквиста, где вроде бы произошло преступление, прямо перед ними на проезжую часть выбежала взволнованная женщина средних лет. Она размахивала руками и что-то без остановки говорила. Адольф, который первым вылез из автомобиля, осторожно усадил ее на заднее сиденье и уверил, что «все нормально». А потом они взялись за дело. В то время как Граф достал служебный пистолет и занял позицию с тыльной стороны дома на случай, если злодей еще остается внутри и решит воспользоваться для бегства этим путем, Адольф быстро проверил подъезд, а затем вошел в квартиру. Это не доставило ему особого труда, поскольку входная дверь была открыта настежь.

Именно тогда он заработал свой плюсик, прежде чем впервые выполнил все остальное, как его учили в полицейской школе в Стокгольме. Со служебным пистолетом в руке он обследовал квартиру. Прокрался на цыпочках вдоль стен, чтобы не создавать ненужных проблем коллегам из технического отдела и не дать шанса преступнику, если у того не хватило ума сразу же убраться восвояси. Но Адольф нашел только жертву. Она лежала на кровати в спальне, неподвижная и завернутая в окровавленную простыню, закрывавшую ее голову, тело и бедра до половины.

Адольф через открытое окно крикнул Графу, что закончил осмотр помещения, сунул пистолет в кобуру и, освободив руки, вытащил из-под мышки зажатую там маленькую цифровую камеру и быстро сделал три фотографии частично скрытого тканью тела. А потом осторожно снял простыню с головы девушки и попытался установить, жива она или уже мертва.

Он точно отыскал ее сонную артерию указательным пальцем правой руки, хотя это и было совершенно не нужно, принимая в расчет удавку на шее и остекленевшие глаза. А затем Адольф осторожно потрогал ее щеки и виски, но, в отличие от живых женщин, которых он касался таким же образом, это прикосновение не вызвало у него эмоции, во всяком случае не больше, чем при контакте с холодным мрамором.

«Конечно, она мертва, хотя и не слишком давно», – подумал он.

И тут Адольф неожиданно узнал ее. И не просто как случайно виденную когда-то, а как знакомую, с которой разговаривал и даже фантазировал о продолжении. И с ним внезапно стала происходить какая-то чертовщина, о которой он, конечно, не собирался впоследствии никому рассказывать. Прекрасно, пожалуй, даже резче, чем когда-либо, ощущая реальность происходящего, он одновременно как бы оказался в роли стороннего наблюдателя, видевшего все со стороны. Словно дело не касалось его и, прежде всего, той, что теперь лежала мертвой

в своей кровати, хотя всего несколько часов назад, скорее всего, была столь же живой, как он сейчас.

2

Свидетельницу, которая нашла жертву и позвонила в полицию, бездетную вдову Маргарету Эрикссон, пятидесяти пяти лет, проживающую на верхнем этаже в том же доме, в первый раз опросили уже в десять часов утра два инспектора из дежурной части криминальной полиции лена. Беседа записывалась на магнитофон, и ее распечатку сделали в тот же день.

Она заняла двадцать страниц, и в качестве одного из последних пунктов в ней указывалось, что со свидетельницы взята подписка о неразглашении секретных сведений. Однако нигде не упоминалось, как та отреагировала, узнав, что может быть наказана в законном порядке, если поделится с кем-то тем, что с ней обсуждали инспекторы. Хотя чему удивляться? Подобное обычно не фиксировалось, и вдобавок она среагировала точно так же, как большинство других на ее месте. То есть заявила, что не имеет привычки попусту трепать языком.

Домом, состоявшим из подвального помещения, четырех жилых этажей и чердака, владело товарищество, в котором свидетельница была председателем. По две квартиры находились на трех нижних этажах, а одна, вдвое большая, на верхнем, где и проживала госпожа Эрикссон. Таким образом, в их маленькое объединение входило семь собственников жилья, все среднего возраста или пожилые, одинокие и пары с выросшими и покинувшими родной кров детьми. Большинство из них на момент совершения преступления находились в отпусках и по этой причине отсутствовали.

Апартаменты, в которых произошло убийство, принадлежали матери жертвы, и, по показаниям свидетельницы, девушка там иногда жила. Последнее время свидетельница видела ее довольно часто, поскольку хозяйка квартиры уехала в отпуск и главным образом обитала в летнем домике на острове Сиркён в нескольких десятках километров к югу от Векшё.

Их квартира (четыре комнаты и кухня) помещалась на первом этаже и почти всеми окнами выходила на улицу, то есть туда же, куда и парадный вход. Дом, если смотреть со двора, располагался на склоне. Далее раскинулся небольшой зеленый район, застроенный виллами и отдельными многоэтажками.

Свидетельница была собачницей, и, если верить тому, что она сообщила полицейским, собаки уже в течение многих лет были ее главным интересом в жизни. В последние годы она держала двух питомцев, лабрадора и спаниеля, и выгуливала их четыре раза в день. Уже в семь утра госпожа Эрикссон обычно выводила собак на улицу, по меньшей мере на час.

– Я ранняя пташка, и у меня никогда не возникало проблем с тем, чтобы встать на рассвете. Ненавижу лежать и потягиваться по утрам.

Вернувшись домой, она всегда завтракала и читала утреннюю газету, в то время как ее питомцы опустошали свои миски с едой. А около двенадцати они опять отправлялись на прогулку. И снова примерно на час, а потом госпожа Эрикссон обедала, в то время как ее четвероногие друзья наслаждались сушеным свиным ухом или другим похожим деликатесом.

В пять часов все повторялось. Но на этот раз по укороченной программе, примерно полчаса, чтобы она смогла успеть поужинать и спокойно «покормить Пеппе и Пигге» до вечерних новостей. А потом оставался только «последний моцион» между десятью и двенадцатью вечера в зависимости от телевизионной программы.

Распорядок дня госпожи Эрикссон, во всяком случае обязательной ее части, похоже, определялся исключительно заботой о собаках. А все остальное время она обычно тратила на различные дела в городе, встречи со знакомыми («главным образом с подругами и другими собачниками») или на работу по дому.

Ее умерший десять лет назад муж был ревизором, хозяином фирмы, где госпожа Эрикссон тоже время от времени подрабатывала. И после его смерти она продолжала помогать кое-

кому из старых клиентов с бухгалтерией. Но главным источником ее дохода служила пенсия за супруга.

– Рагнар всегда очень серьезно относился к подобным вещам, поэтому я не испытываю нужды.

Свидетельницу опрашивали у нее дома. И беседовавшие с ней полицейские смогли убедиться в ее искренности в данном вопросе. Во всяком случае, все увиденное ими указывало на то, что Рагнар хорошо позаботился о будущем своей жены.

Накануне около одиннадцати, выйдя на свою обычную вечернюю прогулку, она видела, как жертва появилась из подъезда и пешком направилась в сторону центра.

– Судя по ее внешнему виду, она собиралась что-то праздновать, но, мне кажется, большинство представителей современной молодежи занимаются этим постоянно, независимо от времени суток.

Сама госпожа Эрикссон стояла на расстоянии тридцати метров выше по улице, они не поздоровались друг с другом, но свидетельница не сомневалась, что видела именно жертву.

– Я думаю, она не заметила меня. Слишком спешила. Иначе наверняка поздоровалась бы.

Пять минут спустя госпожа Эрикссон поднялась к себе в квартиру и после рутинных процедур легла спать и заснула почти сразу же. По большому счету это было все, что она помнила из предыдущего вечера.

Лето выдалось исключительным. Начавшись уже в мае, оно, казалось, никогда не закончится. День проходил за днем без малейшего ветерка, с палящим солнцем на бледно-голубом небе, где даже в виде исключения не было ни единого облачка, способного хотя бы на время подарить спасительную прохладу. Поэтому тем утром госпожа Эрикссон отправилась выгуливать своих собак уже в половине седьмого.

Конечно, раньше, чем обычно, но движимая мыслью о «совершенно невероятном лете... а так не одна я считаю... просто хотелось избежать худшего». Опять же «каждому чувствующему ответственность за своих питомцев собачнику известно, что они плохо переносят, когда на улице слишком жарко».

Таким образом, она двинулась привычным маршрутом. Выйдя из подъезда, повернула налево, миновала несколько соседних домов и свернула на тропинку, спускавшуюся к раскинувшемуся в нескольких сотнях метров за домом, где она жила, лесному массиву. Полчаса спустя стало невыносимо жарко, пусть только-только миновало семь часов, и она решила вернуться домой. Пеппе и Пигге утомленно пыхтели, а их хозяйка жаждала поскорей очутиться к квартире и выпить чего-нибудь холодненького.

Она уже решила двинуться в обратный путь, когда небо внезапно затянули облака, стремительно потемнело, налетел ветер, пригибая кусты и деревья, и совсем рядом пророкотал гром. Когда на землю упали первые тяжелые капли, ей оставалось преодолеть всего пару сотен метров до дома, и она перешла на бег, пусть в этом, собственно, не было необходимости, поскольку робкий дождик успел смениться бурным ливнем, и госпожа Эрикссон мгновенно промокла насквозь. Именно тогда она увидела, что окно в спальне соседей открыто и ветер треплет мокрые занавески.

Войдя в подъезд и поднявшись на первый этаж («а тогда на часах было примерно полвосьмого, если я правильно посчитала»), она несколько раз позвонила в соседскую дверь, но никто не ответил.

– Я подумала, что она открыла окно, придя домой поздно ночью. Но зачем это понадобилось делать... на улице ведь значительно теплее, чем в квартире? Когда мы гуляли вечером, окно было закрыто. На подобные вещи я привыкла обращать внимание.

Но поскольку никто из соседок не подошел и не ответил, госпожа Эрикссон на лифте поднялась к себе. Вытерла собак и сама переоделась в сухое, пребывая в отвратительном настроении.

– У нас же дружное товарищество, и, если у кого-то вода на полу, хорошего мало. Да и потом, к любому могут залезть воры. Конечно, подоконники в доме довольно высокие, но, по моему, не проходит дня, чтобы в газетах не писали о специалистах, которые лазают по стенам и охочи до чужого добра, а если они, кроме того, плотно сидят на наркотиках, вполне ведь могут прихватить лестницу у кого-то из товарищей.

Но что ей было делать? Поговорить с дочерью, спросить, когда они встретятся в следующий раз? Четырнадцать дней назад случился похожий ливень, но он продолжался самое большее десять минут и прекратился столь же неожиданно, как и начался, солнце снова светило с голубого и безоблачного неба, и это было только хорошо для травы и прочей растительности. Но в этот раз дождь не прекратился и через четверть часа. Убирая собачьи площадки и свою кофеварку, госпожа Эрикссон видела, как дождь все еще льет с той же силой. И тогда у нее внезапно созрело решение.

– Как уже говорила, я председатель нашего товарищества, и мы, живущие здесь, стараемся приглядывать за квартирами друг друга. Особенно сейчас, летом, когда многие в отпусках. И у меня есть дубликаты ключей от большинства дверей в доме.

Поэтому она взяла ключ, полученный от матери жертвы. Потом на лифте спустилась на их этаж и несколько раз позвонила в квартиру («на всякий случай, если девушка сейчас, вопреки всему, находилась там»), открыла замок и вошла.

– Внутри все выглядело как обычно, когда молодежь получает шанс пожить одна, поэтому я не заподозрила ничего плохого, по-моему, крикнула, есть ли кто дома, но ответа не последовало, и я прошла дальше... в спальню... да... и тогда увидела... Я сразу поняла. Потом... значит, развернулась и выбежала на улицу... мне пришло в голову, что он еще находится внутри, и я испугалась за свою жизнь. К счастью, мобильник был при мне... и я позвонила тогда... по вашему специальному номеру... то есть один-один-два. Они ответили мгновенно, хотя все время читаешь в газетах, что полицию не найти днем с огнем.

Окно в спальне госпожа Эрикссон так и не закрыла, что само по себе не сыграло особой роли, поскольку, когда первый патруль прибыл на место, дождь уже закончился и возможные проблемы из-за воды на полу сейчас никого не интересовали. Ассистент Адольфссон тоже, естественно, не подумал этого сделать, зато он заметил на подоконнике снаружи настоящие следы от смешанной с водой крови, но тогда дождь уже прекратился, и он сообщил и об этой детали старшим коллегам из технического отдела.

Вот так и бывает. Самое жаркое, насколько хватало памяти, лето, соседка, которая каждое утро выходила со своими собаками на обязательную прогулку и к тому же имела дополнительные ключи от квартиры жертвы, внезапный ливень и открытое окно. Сложившиеся вместе обстоятельства – просто набор случайностей, если угодно, но полиция в результате обнаружила то, что случилось, и обнаружила таким именно образом и никак иначе. И по сравнению с возможной альтернативой это был еще далеко не самый худший вариант развития событий.

3

Дежурный, конечно, сделал свое дело. Менее чем через два часа на месте преступления находились все, кому положено. К несчастью, также и множество других людей, которые могли пребывать где-то в другом месте, но это уже никак от него не зависело. Пространство же вокруг дома было огорожено, а также улица с передней ее стороны в обоих направлениях.

Сотрудники полиции правопорядка стали систематически осматривать соседние здания и близлежащую территорию, в то время как патруль с собакой попытался найти следы преступника, если он, как считалось, действительно выпрыгнул в открытое окно с тыльной стороны дома. Поиски, однако, оказались безуспешными, что, памятуя о ливне, закончившемся парой часов ранее, никого не удивило.

Криминалисты приступили к обследованию квартиры, с судмедэкспертом тоже уже связались, и он ехал на машине из своего летнего дома. Коллеги из криминальной полиции лена даже успели провести первый опрос свидетельницы, обнаружившей жертву, отца и мать которой уведомили о случившемся и привезли в здание полиции.

Начинался поквартирный обход в соседних домах, и тем самым все пункты в списке ответственного дежурного (за исключением последнего) были выполнены и помечены соответствующим образом.

Закрыв свои вопросы или, по крайней мере, запустив в работу все нужные механизмы, он занялся последним параграфом из своей памятки и позвонил комиссару полиции лена. А с тем дело обстояло столь странным образом. Несмотря на пятницу этого бесконечного лета и к тому же пребывая в отпуске, он находился не в своей «загородной резиденции» у моря в окрестностях Оскарсхамна, что примерно в ста километрах от Векшё, а за письменным столом в служебном кабинете всего на несколько этажей выше в том же здании, где и дежурный. Они общались по телефону почти четверть часа приблизительно с полдесятого утра. Главным образом говорили о жертве, а когда разговор закончился, совершенно независимо от своего опыта и квалификации, дежурный внезапно почувствовал себя необъяснимо уставшим.

Странно, собственно, ведь в сравнении с первой ситуацией, когда ему понадобилось доставать свой рукописный перечень (а тогда он долго подменял коллегу в соседнем Кальмаре), он испытывал чуть ли не прилив положительных эмоций, вспоминая о том, что *тогда* произошло. То есть стрельбу, затеянную двумя главными тамошними бандюганами в самый разгар дня, в центре города, среди добропорядочных граждан. Они сделали два десятка выстрелов во всевозможных направлениях, но, слава богу, попали только друг в друга, и дежурный тогда подумал, что такое может случиться только в Смоланде.

Комиссар полиции лена по окончании их разговора тоже чувствовал себя не лучшим образом. Расследование убийств не было его коньком, и, хотя он придерживался правила никогда не отчаиваться заранее, данное дело вызывало у него большие сомнения. Оно имело все признаки классического запутанного душегубства, и, принимая в расчет, кем была жертва, в случае неудачи ему грозило пережить то, что сваливалось на ему подобных, когда профессиональная жизнь давала трещину.

На некоем ужине неделю назад он произнес речь, где долго распространялся о недостаточных ресурсах, имеющихся в распоряжении полиции, и в заключение сравнил свои возможности со «слишком хлипкой и зияющей дырами крышей в качестве защиты от ливня набирающей обороты преступности».

Его слова оценили, и особенно он был доволен своей метафорой, которую считал отлично придуманной и сформулированной. Того же мнения, кстати, придерживался и главный редактор крупной местной газеты. Он тоже присутствовал на данном мероприятии и сделал комис-

сару полиции лена комплимент за кофе с коньяком. Но это было тогда, а в каком направлении устремятся мысли того же представителя пишущей братии через несколько часов, полицмейстер и думать не хотел.

Тягостнее всего были, конечно, его личные чувства. Он знал отца и мать жертвы убийства, встречался с ними. И помнил ее саму, восхитительную молодую женщину. Будь у него дочь, его, пожалуй, очень устроило бы, если бы она напоминала убитую и внешне, и своим поведением.

«Надо же такому случиться, – подумал он, – и почему, боже праведный, именно в Векшё, где не происходило запутанных убийств за все годы моей работы. Здесь у меня? И в разгар лета».

Как раз тогда он принял решение. Совершенно независимо от состояния его крыши, летних отпусков и всех прочих тонкостей полицейской жизни, нисколько не улучшавших ситуацию, ему пришлось время подготовиться к худшему. Поэтому он сам поднял трубку и позвонил своему старому другу и однокурснику, чтобы попросить о помощи.

А к кому, как не к нему, обращаться в такой ситуации, решил комиссар полиции лена.

После разговора, который занял менее десяти минут, он испытал облегчение, словно сбросил с плеч тяжелую ношу. Помощь придет. И помощь самая лучшая из возможной – из овечьей легендами комиссии по расследованию убийств Государственной криминальной полиции. Их самый главный босс пообещал, что они появятся еще до конца дня.

Потом он также с честью выполнил первую часть своей собственной задачи. Конечно, не сделал ничего сверхъестественного, и даже не слишком напрягся, но все-таки какую-то благодарность заслужил, поскольку подумал об одной важной практической детали. А именно сразу же приказал секретарше позвонить в городской отель и зарезервировать на неопределенное время шесть номеров, особо отметив, что они должны находиться по соседству и отдельно от других.

В отеле такому сообщению обрадовались, поскольку у них царило затишье и хватало свободных комнат. Они же не могли знать, что ситуация резко изменится всего через несколько часов, когда уже невозможно будет поселиться ни в одном отеле в центральной части Векшё.

4

Стокгольм, утро пятницы 4 июля

Часы показывали только десять утра, но одна из главных легенд Государственной комиссии по расследованию убийств уже приземлился на своем рабочем месте. Комиссар Эверт Бекстрём, в отличие от большинства коллег, не взял отпуск и не уехал в деревню получать сомнительное удовольствие от общения с комарами, постоянно капающей на мозги женой и ноющими детьми. Не говоря уже о чокнутых соседях, распространяющем не лучшие ароматы сортире, папахивающих бензином шашлыках и слишком теплом пиве.

Маленький, жирный и примитивный, Бекстрём при необходимости мог стать хитрым и злопамятным. Сам он считал себя умным парнем в расцвете лет, свободным и ни от кого не зависящим, и предпочитал спокойную городскую жизнь всевозможным атрибутам сельской жизни. А поскольку слишком много аппетитных и легко одетых дам, похоже, имели похожий взгляд на вещи, он не видел причин жаловаться.

В его понимании летние отпуска служили средством наслаждения лишь для недалеких людей, и, когда сослуживцы использовали их на всю катушку, он оставался на работе, коль скоро в виде исключения появлялась возможность спокойно заниматься своими делами. Последним приходило и первым уходило, не становясь предметом обсуждения. В этом и была суть. Плюс масса времени решать различные вопросы за пределами здания, а если кто-то из оставшихся руководителей случайно заглянул бы к нему в кабинет, его в любом случае не застали бы врасплох.

За день до того, как его непосредственный начальник отправился в отпуск, Бекстрём уведомил шефа, что собирается не просто находиться на месте на случай, если понадобится приглядеть за практической стороной дела при наихудшем развитии событий, но также заполнять свободное время, если такое появится, изучением старых, к сожалению, давно буксовавших расследований. И естественно, не встретил возражений. Шеф горел желанием поскорее покинуть полицейский комплекс на Кунгсхольмене, и болтовня с Бекстрёмом не доставляла ему никакого удовольствия. В результате на письменном столе комиссара сейчас высилась гора папок с материалами нераскрытых убийств, с которыми его менее одаренные коллеги без всяких причин сели в лужу.

Появляясь на рабочем месте, Бекстрём обычно прежде всего перекладывал кипы своих бумаг на тот случай, если кто-то пробежал мимо и шпионил. А потом, распланировав остаток дня, удобно устраивался в кресле за своим письменным столом, выбирал подходящее сообщение на своем прямом телефоне. Благо хватало из чего выбирать, а чтобы избежать ненужных подозрений из-за какой-то бросающейся в глаза системы в этом деле, метал на стол игровой кубик и позволял жребии решать, где будет находиться во время своего отсутствия на рабочем месте. Речь могла идти о «совещании», «служебном деле», «необходимости срочно выйти на короткое время» или даже «командировке». Когда эти в хаотическом порядке повторяющиеся объяснения начинали резать слух, он разбавлял их крайне уважительной причиной – «обед». Одна из основных человеческих потребностей, вписанная в любой распорядок дня и, естественно, имеющая собственный код в полицейском телефонном каталоге. Ему даже не требовалось метать кубик.

Единственной практической проблемой были хилые сверхурочные и другие денежные надбавки, из-за чего его кошелек становился пустым уже через неделю после получения зарплаты.

«Это решаемо, – подумал Бекстрём. – Надо просто радоваться жаркой погоде и всем полуголым женщинам в городе. Ведь в любой момент некий придурок может прибить какого-

нибудь бедолагу где-нибудь у черта на куличках достойным внимания образом, и тогда будут доплаты за переработку, и командировочные, и всевозможные безналоговые льготы для простого констебля».

Как раз когда он столь далеко зашел в своих оптимистичных размышлениях, зазвонил его телефон.

Шеф Государственной криминальной полиции, ГКП, Стен Нюландер (или главкримп, как его называли между собой восьмьсот подчиненных ему сотрудников) тоже был погружен в свои мысли, когда ему позвонил шеф полиции лена из Векшё. И думал он не о чем-нибудь, а о запутанной оперативной проблеме, которую приказал решить своему центру управления, или, по его терминологии, Оп-центру, и конкретно речь шла о том, как лучше всего организовать действия их собственного Национального спецподразделения, если международные террористы попробуют захватить самолет в стокгольмском аэропорту Арланда.

Коллега из Векшё явно не обладал той же способностью расставлять приоритеты в большом и малом, и, чтобы половина его дня не оказалось потраченной напрасно, Нюландер сразу же пообещал отправить на место происшествия людей из своей комиссии по расследованию убийств.

«В худшем случае, если у них хватает работы, они сами в состоянии пересмотреть приоритеты», – подумал он, когда положил трубку, а потом вызвал к себе секретаршу и попросил «найти толстого коротышку из комиссии по убийствам, чье имя он никак не может запомнить». И вернулся к более важным заботам.

– Главкримп, похоже, весь в делах даже в отпускной период, – констатировал Бекстрём, угодливо улыбнувшись секретарше своего наиглавнейшего босса, и кивнул в сторону закрытой двери за ее спиной.

«Оп-центр ГКП – это звучит», – подумал он.

– Да, у него хватает работы, – сказала секретарша сдержанно, не отрывая глаз от бумаг. – Независимо от времени года, – добавила она.

«Конечно, – подумал Бекстрём. – Или он посещает курсы, где его учат, что такие, как он, должны заставлять таких, как я, сидеть и ждать четверть часа, пока он читает передовицу в «Свенска дагбладет».

– Мы живем в жестокое время, – вздохнул Бекстрём с притворным сочувствием.

– Да, – согласилась секретарша и смирila его настороженным взглядом.

«Если ты не главкримп, конечно, – подумал Бекстрём. – Красивый титул у этого идиота. Звучит одновременно как-то по-военному строго и мужественно. Определенно лучше, чем быть шефом Государственного полицейского управления, на которого валится все дерьмо, а называют его только главполом. Кто, черт побери, захочет быть главполом. Прозвище хуже не придумаешь».

– Главкримп свободен, – сообщила секретарша и кивнула в сторону закрытой двери.

– Покорнейше благодарю, – сказал Бекстрём и поклонился ей со своего места. Ровно четверть часа, это мог просчитать даже ребенок.

«Даже ты, чертова сучка», – мысленно выругался он и сердечно улыбнулся секретарше. Она ничего не сказала, лишь подозрительно посмотрела на него.

Наиглавнейший шеф Бекстрёма, похоже, все еще решал проблемы мирового масштаба. Он задумчиво поглаживал большим и указательным пальцами свой волевой подбородок, а когда Бекстрём вошел в его кабинет, ничего не сказал и только коротко кивнул.

«Странный тип, – подумал Бекстрём. – И одет черт знает как, когда на улице плюс тридцать».

На начальнике Государственной криминальной полиции, как обычно, была безупречная униформа, а именно черные сапоги для верховой езды, синие брюки из гардероба конных полицейских, ослепительно-белая форменная рубашка с погонами, на которых красовались четыре золотые полосы с дубовыми листьями, увенчанные королевской короной. Его грудь с левой стороны украшали четыре ряда орденских планок, а с правой две золотые скрещенные сабли, по непонятной причине ставшие эмблемой ГКП. Форменный галстук был зафиксирован точно под прямым углом с помощью особой заколки для высшего командного состава полиции. Шеф сидел, расправив плечи и выпрямив спину, а выделявшаяся на фоне втянутого живота грудь, казалось, пыталась в каком-то смысле соперничать с его выступающей челюстью.

«Какой подбородок! Выглядит как нависающая над водной гладью корма танкера», – пришло в голову Бекстрёма.

– Если тебя интересует моя одежда, – сказал главкримп, не удостоив его взглядом и не убрав пальцы с того места, на котором сосредоточились мысли Бекстрёма, – да будет тебе известно, сегодня я собираюсь прогулять Брандклиппара.

«Наблюдательности ему тоже не занимать, поэтому надо держать ухо востро», – решил Бекстрём.

– Королевское имя для благородного коня, – добавил главкримп.

– Да, так ведь звали лошадку Карла Двенадцатого, – произнес Бекстрём угодливо, хотя и часто прогуливал уроки истории в школе.

– Карла Одиннадцатого и Карла Двенадцатого, – уточнил главкримп. – Одинаковое имя, хотя не один и тот же конь, естественно. Ты знаешь, что это? – добавил он и кивнул в сторону мастерски выполненного макета, стоявшего на огромном столе, специально предназначенном для таких вещей.

«Судя по всем этим терминалам, ангарам и самолетам, речь вряд ли идет о Полтавской битве», – предположил Бекстрём.

– Арланда, – рискнул предположить он. – Наверное, так аэропорт выглядит сверху?

– Точно, – подтвердил главкримп. – Хотя не по этому поводу я захотел переговорить с тобой.

– Я слушаю, шеф. – Бекстрём постарался придать себе вид самого прилежного ученика в классе.

– Векшё, – сказал главкримп с нажимом. – Умышленное убийство, жертва – молодая женщина. Найдена задушенной у себя дома сегодня утром. Вероятно, изнасилована. Я пообещал, что мы поможем им. Поэтому собирай коллег и отправляйтесь сразу же. Все детали выясни с Векшё. Если у нас кто-то будет возражать, отсылай ко мне.

«Блестяще. Даже лучше, чем во времена трех мушкетеров», – подумал Бекстрём. Это была одна из немногих книг, которые он прочитал. Когда в детстве прогуливал школу.

– Считайте, что все уже организовано, шеф, – отчеканил Бекстрём.

«Векшё, – подумал он. – Вроде находится на берегу моря, на юге в Смоланде? Там, пожалуй, полно баб в такое время года».

– Да, – сказал шеф Государственной криминальной полиции, – и вот еще что. Пока я не забыл. Есть одна проблема. Это касается личности жертвы.

«Посмотрим, сказала слепая Сара», – подумал Бекстрём, сидя спустя полчаса за своим письменным столом и занимаясь решением всевозможных практических вопросов. И прежде всего, его заботой стали ликвидные средства в приличных размерах в форме платежного поручения, которое он успел организовать в кассе, несмотря на пятницу и отпускной период. В качестве дополнения он разжился парой тысяч крон наличными из собственного фонда отдела, предназначенного для оперативных расходов. Эти деньги всегда находились под рукой для срочных и непредвиденных трат и очень кстати пришлось Бекстрёму, поскольку, независимо

от того, как выглядел его собственный расчетный счет, в ближайшее время ему не грозили никакие финансовые проблемы.

Потом он смог собрать пятерых коллег. Четверо из них были настоящими полицейскими, а пятой – баба, являвшейся, правда, обычной гражданской служащей, которая могла заниматься наведением порядка в бумагах, что его вполне устраивало. И один из его коллег наверняка оценил такой расклад, поскольку обычно запрыгивал на эту служащую, как только ему удавалось оказаться на безопасном расстоянии от своей супруги.

«Конечно, не лучшие из лучших, – подумал Бекстрём, изучая список своей мужской компании, – но вполне приличный народ, учитывая отпускную пору». Кроме того, он ведь и сам будет с ними. Оставалось раздобыть транспорт для поездки в Векшё, а все остальное касалось уже работы на месте. Автомобилей, как ни странно, хватало, и Бекстрём наложил лапу на три самых лучших. Причем лично для себя выбрал полноприводный «вольво» самой лучшей модели, с мощнейшим мотором и таким количеством вспомогательного оборудования, что парни из технического бюро, скорее всего, находились под кайфом, когда составляли заказ.

Бекстрём поставил последнюю галочку в своем коротком списке. Осталось упаковать собственный багаж, но, когда он стал размышлять об этом, его настроение внезапно ухудшилось. Алкоголь сам по себе не очень его беспокоил. У него хватало крепких напитков дома. Один из молодых коллег провел выходные в Таллине, где хорошенько затарился, а Бекстрём прикупил у него немало: виски, водку и две упаковки крепкого пива – чистый бальзам для души.

«Но что брать из одежды?» – размышлял Бекстрём. Он сразу вспомнил о своей сломанной стиральной машине, переполненной бельевой корзине и ворохе грязного шмотья, которое уже месяц как загромождало его спальню и ванную. Этим утром перед уходом на работу у него даже возникла небольшая проблема. Выйдя из душа, свежeweымытый и красивый (и не с похмелья, в виде исключения), он потратил массу времени, прежде чем нашел себе приличную рубашку и трусы, во всяком случае, такие, в которых он мог не опасаться, что люди почувствуют себя в датской сырной лавке при разговоре с ним.

«Это решается, – с облегчением подумал Бекстрём, которого внезапно осенила гениальная идея. Надо просто заскочить в торговый центр на Санкт-Эрикsgатане и пополнить свой гардероб. Деньги, слава богу, сейчас в наличии имелись, а грязное белье из дома, если подумать, он с таким же успехом может прихватить с собой и оставить в отеле в Векшё.

«Блестяще!» – заключил Бекстрём. Но прежде всего следовало перекусить, поскольку расследовать умышленное убийство на пустой желудок – служебное преступление.

Бекстрём плотно пообедал в близлежащем испанском ресторане с большим количеством фирменных закусок и прочих летних деликатесов. А поскольку он решил, что работодатель вполне в состоянии заплатить за пир, то внес в счет своего якобы присутствовавшего осведомителя. Его мнимый стукач вдобавок позволил себе удовольствие выпить два бокала крепкого пива, тогда как сам Бекстрём, будучи на службе, довольствовался простой минеральной водой. Сытый и довольный, он вышел на улицу, чувствуя себя лучше, чем когда-либо за последнее время. Ему не понадобилось даже брать такси, поскольку уже несколько лет он обитал в уютной маленькой квартирке всего в паре минут ходьбы от расположенного у Крунубергского парка здания полиции.

Свою нынешнюю берлогу он получил от одного бывшего коллеги, знакомого ему еще по работе в отделе насильственных преступлений Стокгольма, когда тот вышел на пенсию. Коллега переехал в летний домик в шхерах, чтобы напиваться там в тишине и покое и ловить рыбу в паузах между столь почтенным занятием. Ему не требовалось жилье в городе, и он переписал его на Бекстрёма.

А сам Бекстрём продал свою квартиру молодому коллеге из криминальной полиции лена, выгнанному из дома за то, что сожительствовал с коллегой из службы правопорядка. К сожа-

лению, тот не имел возможности переехать к ней, поскольку она уже была замужем за третьим коллегой, который трудился в дежурно-патрульной службе и мог здорово разозлиться, узнай он об их проделках.

Парень купил хату Бекстрёма. За наличные, по-черному и за хорошую цену, да еще помог Бекстрёму перевезти его пожитки на Кунгсхольмен. И теперь Бекстрём обитал в двух комнатах с кухней и ванной на третьем этаже, с окнами во двор. При нормальной квартплате и с пожилыми, главным образом, соседями, которые вели себя тихо, не имели ни малейшего понятия, что он полицейский, пока лучшего было трудно желать.

Единственная проблема состояла в том, что ему требовалась женщина, которая убирала бы у него дома и стирала для него, время от времени принимая оплату натурой в его прочной сосновой кровати фирмы «Икеа».

– Поскольку сейчас все выглядит дьявольски, – бормотал Бекстрём, пакуя свое грязное белье в объемистую спортивную сумку, чтобы затем захватить ее с собой в городской отель в Векшё и там отправить все барахло в ближайшую прачечную. Лучше всего, конечно, было бы взять с собой всю квартиру и оставить ее у дежурного администратора. – Одно дерьмо, провалиться ему! – Бекстрём принес холодное пиво из холодильника. Потом упаковал во вторую сумку все прочее, необходимое ему, и именно тогда его как молнией поразила ужасная мысль. Словно кто-то схватил сзади за воротник и резко дернул, и в последние годы это, к сожалению, стало случаться все чаще. – Что, черт возьми, мне делать с Эгоном?

Эгон получил свое имя в честь бывшего коллеги, устроившего ему эту квартиру, но в остальном они мало чем походили друг на друга, поскольку Эгон Бекстрёма был обычной золотой рыбкой, в то время как тот, чье имя он носил, был бывшим полицейским, уже восьмой десяток топтавшим землю. Бекстрём получил Эгона вместе с аквариумом в подарок от женщины, с которой встречался полгода назад. Он познакомился с ней по объявлению в Сети, в котором его привлекло то, как автор охарактеризовала себя, но главным образом ее псевдоним: «Любительница униформы». Бекстрём, конечно, старательно избегал надевать казенный наряд, как только достиг достаточно высокого положения в полиции, позволявшего ему такую вольность, но кому какая разница?

И сначала все складывалось просто замечательно. Она действительно оказалась почти такой, как описала себя («раскрепощенной и открытой женщиной»). Но только сначала, а немного спустя стала слишком явно походить на всех прочих баб, время от времени появлявшихся в его жизни. В результате все вернулось на круги своя, за исключением Эгона, который так и остался у него, и с ним дело обстояло намного хуже, потому что Бекстрём привязался к нему.

Серьезный прорыв в отношениях между ними случился пару месяцев назад, когда комиссару пришлось уехать в провинцию и в течение недели расследовать убийство, из-за чего он не имел возможности ежедневно кормить свою золотую рыбку.

Сначала он позвонил женщине, навязавшей ему сие плавающее беспокойство, но она только наорала на него и бросила трубку.

«Ладно, будь что будет», – подумал Бекстрём и, несмотря на предупреждающий текст, высыпал своему питомцу полбанки корма, прежде чем уехал.

«В этом и преимущество золотой рыбки, – размышлял он, сидя в автомобиле на пути к месту, где предстояло проводить расследование. – Собаку не смоешь в унитаз, если она подохнет, а за аквариум наверняка можно выручить пару сотен, если дать объявление через Интернет».

Он вернулся через несколько дней, и оказалось, что Эгон все еще жив. Он, конечно, выглядел более бодрым до отъезда Бекстрёма и первые дни плавал немного боком, но потом снова пришел в норму.

Это произвело на Бекстрёма большое впечатление, и он даже рассказывал об Эгоне в кафетерии на работе («необычайно живучий маленький хулиган»), и, пожалуй, именно тогда стал привязываться к нему. Дошло до того, что Бекстрём мог сидеть и смотреть на него по вечерам, потягивая свой вполне заслуженный грог после долгого и трудного рабочего дня. Эгон плавал себе туда и обратно, вверх и вниз, и его, казалось, совершенно не заботило отсутствие маленьких дам поблизости. «У тебя все хорошо, парень», – обычно размышлял Бекстрём, и в сравнении с куда не годными телепрограммами о природе Эгон выглядел безусловным победителем.

«Надо постараться поскорее разделаться с расследованием», – подумал Бекстрём, который испытал легкое чувство вины, когда отмерил приличную порцию корма со дна банки и высыпал ее своему маленькому безмолвному товарищу. А если дело слишком затянется, он ведь мог позвонить на работу и попросить кого-нибудь из коллег присмотреть за рыбкой.

– Береги себя, парень, – сказал Бекстрём. – Хозяину надо уехать по делам. Но мы скоро увидимся.

Четверть часа спустя он сидел в автомобиле на пути в Векшё вместе с двумя своими коллегами по Государственной комиссии по расследованию убийств.

5

Бекстрём получил себе в компанию два молодых дарования, инспекторов Эрика Кнутссона и Петера Торена, которые пусть и не блистали умом, но, по крайней мере, обычно исполняли то, что им поручал Бекстрём. Коллеги называли их Кнолль и Тотт, как героев старинных комиксов, и за исключением того, что первый был блондином, а второй брюнетом, они походили друга на друга как две капли воды. И действовали обычно в паре, без умолку болтая между собой, и, если закрыть глаза, практически невозможно было определить, кто из них держал речь в данном конкретном случае.

Сейчас машину вел Кнутссон, рядом с ним сидел Торен и вслух читал рекламную статью о Векшё, которую наковырял в Сети. Сам Бекстрём развалился на заднем сиденье и в тишине и покое поразмышлял о предстоящем деле под очередную банку холодного пива.

– К сожалению, Бекстрём, – сообщил Торен, – Векшё находится не на берегу. До Балтийского моря от него примерно сто километров. Там есть кафедральный собор, губернатор лена и университет. Ты, наверное, подумал о Вестервике. Или, пожалуй, о Кальмаре. Они расположены на побережье. В Смоланде. Ты знаешь, Астрид Линдгрэн и все такое. Похоже, в городе семьдесят пять тысяч жителей. Я говорю о Векшё. Интересно, сколько среди них жаждущих любви женщин? Как думаешь, Эрик?

– Хотелось бы узнать хоть самую малость о нашем деле, наверное, в таком пожелании нет ничего сверхъестественного? – спросил Кнутссон угрюмо. – Скорее всего, пара тысяч в любом случае наберется, – добавил он, отвечая на вопрос Торена, и голос его сразу зазвучал немного веселее.

– Коллеги из Векшё должны отправить всю информацию по факсу, как только хоть как-то сведут концы с концами, – сказал Бекстрём и кивнул в сторону приборной панели между ними.

– Но что-то нам ведь все равно надо знать, – настаивал Кнутссон.

– Достал уже своим нытьем, – вздохнул Бекстрём. – Сегодня утром они нашли женщину, убитую в собственной квартире. Задущена. Если верить мнению самих деревенских шерифов, речь также идет о сексе. Неизвестный преступник и все такое. Хорошо, если они ошибаются и мы сможем уехать сразу, прихватив с собой ее парня.

– Это все нам известно, – заметил Кнутссон скептически. – А у нее был какой-нибудь парень тогда?

– Да вроде не похоже, – ответил Бекстрём, помедлив. – И еще одна сложность. Она одна из наших.

– Да что ты говоришь! – воскликнул Кнутссон. – Коллега?

– Дело плохо, – констатировал Торен. – Коллега. Такое случается не каждый день. Если речь идет о сексе, я имею в виду.

– Будущий коллега, – уточнил Бекстрём. – Получала полицейское образование в Векшё. Ей осталось учиться год. Летом подменяла отпускников в здании полиции. Сидела на ресепшне.

– Ну и дела, – удивился Кнутссон и покачал головой. – У кого хватит ума убить на сексуальной почве будущего коллегу?

– Если речь идет о знакомом, вполне вероятно, что это другой коллега, – усмехнулся Бекстрём. – Хотя так плохо все ведь не должно быть, – добавил он, заметив полные сомнения глаза Кнутссона в зеркале заднего вида.

– Все лучше, чем заурядное убийство проститутки. Если найти немного позитива в этом деле, – попытался ободрить коллег Торен. – Я имею в виду, не понадобится заниматься разными странными клиентами, криминальными контактами и прочей подобной мурой.

«Это, пожалуй, не станет большой проблемой, хотя кто знает», – подумал Бекстрём и сказал:

– Дай-то бог, дай-то бог.

Они находились на широте Норчёпинга, когда провинциальные коллеги дали знать о себе факсом, хотя, если брать в расчет его содержание, они с таким же успехом могли этот факс не присылать. Сначала пришла карта Векшё с обозначенным кружком местом убийства и стрелками, указывавшими дорогу к отелю, в чем абсолютно не было необходимости, поскольку Торен уже нашел ту же карту в Интернете, а Кнутссон в качестве первой меры забил адрес их временного пристанища в навигатор автомобиля.

Потом пришло короткое письмо от тамошнего руководителя сыска, где он сообщал, что они с нетерпением ждут встречи с ними и уже начали действовать, проводят рутинные для таких случаев мероприятия, и прочие данные будут отправлены сразу после получения хоть каких-то реальных результатов. Первая встреча розыскной группы состоится в девять утра на следующий день в здании полиции Векшё.

– Комиссар Бенгт Олссон из криминальной полиции Векшё явно будет нашим руководителем в расследовании, – констатировал Торен, который сидел ближе всех к факсу. – Ты знаешь его, Бекстрём?

– Встречался когда-то, – сказал Бекстрём, допив остатки пива из банки.

«Не особенно блещет умом, так что лучшего не пожелаешь», – подумал он. В любом случае для него точно, поскольку он уже решил для себя, как возьмется за дело.

– И каким он тебе тогда показался? – спросил Кнутссон.

– Довольно участливый господин, – ответил Бекстрём.

– Он смыслит что-нибудь в убийствах? – настаивал Кнутссон.

– По-моему, вряд ли, – сказал Бекстрём. – Но у него за плечами, вероятно, масса курсов по насилию в отношении женщин и детей, инцесту, дебрифингу, то есть оказанию психологической помощи, и тому подобному.

– Но хоть одним случаем он наверняка занимался, – возразил Торен.

Пару лет назад пытался расследовать некое ритуальное убийство маленькой девочки-иммигрантки, якобы произошедшее в забытом богом углу Смоланда несколькими годами ранее. Какая-то придурочная баба утверждала, что принимала участие в ритуале.

– И чем все тогда закончилось? – поинтересовался Кнутссон.

– Все закончилось просто замечательно. Это дело попало к нам, и мы закрыли его на следующий день. Потом отправили дружелюбное письмо, где объяснили, что данное преступление никогда не имело места. Поблагодарили за проявленный интерес и попросили обращаться, если у них в запасе есть еще старые истории с привидениями.

– Мне кажется, я припоминаю, – кивнул Торен. – Это, конечно, было до меня, но не Бенгта Олссона, случайно, старые коллеги у нас называли Ритуальным убийцей?

– Угу, это стало его коньком тоже, – подтвердил Бекстрём. – Привидения, и пьяные старики, и размахивание кадилом, и вампиры, а под конец дня – разбор полетов, прежде чем констебли разойдутся домой с работы.

«Какие еще старые коллеги, – подумал он. – Чертовы старые фашисты».

– Что, собственно, происходит в полиции? Куда мы катимся? – заныл Торен.

– Мне кажется, я уже говорил это, но все-таки повторюсь снова, – оборвал его Бекстрём. – Не будете ли вы добры заткнуться на время, я попробую дать небольшой отдых моей усталой голове.

«Сейчас все начнется заново, – мысленно вздохнул он. – Два идиота на переднем сиденье».

Остаток поездки прошел в относительной тишине. Больше никаких сообщений по факсу не поступало. Кнутссон и Торен, конечно, продолжали болтать между собой, но на пониженных тонах и больше не пытались втянуть в разговор Бекстрёма. Они добрались до отеля в Векшё, когда часы показывали пять вечера, а поскольку Бекстрём по-прежнему чувствовал себя немного не в форме, он решил пару часов поваляться на кровати, прежде чем они отправятся ужинать. Кроме того, остальные коллеги пока не появились.

Бекстрём предусмотрительно позвонил в отель еще до их прибытия, и они смогли сразу же проскользнуть в свои комнаты и избежать общения со стервятниками из третьей власти, которые уже в несметном количестве роились в вестибюле. Потом он раздал задания остальным. А как же иначе, он ведь был их шефом. На долю Кнутссона выпало установить связь с местными коллегами, передать им привет от Бекстрёма и сказать, что он пока занят другим, но даст о себе знать, как только сможет, однако в любом случае будет на большом совещании на следующее утро. Торен обещал организовать стирку для Бекстрёма, а потом прогуляться до места преступления. Сам же Бекстрём собирался немного вздремнуть.

– Кое-кто ведь на ногах с раннего утра, – сказал он, уже успев завалиться на кровать в своей комнате. – И не забудьте заказать внизу в ресторане столик подальше от посторонних глаз на восемь часов.

Бекстрём с облегчением вздохнул, когда дверь за его помощниками закрылась, а потом поправил подушку и мгновенно заснул.

6

За полчаса до ужина все собрались в номере у Бекстрёма, чтобы спокойно, без помех поговорить. Вполне естественно, ведь он командовал, и соберись они где-то в другом месте, подобное выглядело бы как бунт на корабле. Это Бекстрём знал из своего двоякого опыта, поскольку ему приходилось выступать в роли как шкипера, так и члена команды еще в те годы, когда он занимался насильственными преступлениями. Пока на первый взгляд все было спокойно. Все его помощники уже приехали. Бодрые и, пожалуй, несколько возбужденные, словно речь шла об обычной конференции на пароме в Финляндию, а не о расследовании убийства.

Сначала в комнату Бекстрёма ввалился его давний коллега инспектор Ян Рогерссон, которого Бекстрём знал еще по работе в старом отделе насильственных преступлений Стокгольма. Он приехал один и по дороге заскочил в полицию Нючёпинга, куда вернул кое-какие документы по одному старому, безнадежно зашедшему в тупик расследованию. Вдова жертвы наконец отдала богу душу и перестала доставать своими письмами омбудсмана юстиции. Рогерссон появился в отеле Векшё через пару часов после Бекстрёма. Белый человек, с точки зрения Бекстрёма, и единственный из всех, с кем он работал вместе, кого мог выносить чисто в личном плане.

Бекстрём чувствовал себя бодрым и в хорошем настроении, он отлично выспался, только что принял душ, и они с Рогерссоном воспользовались случаем и выпили по банке пива и по паре рюмок крепышка, прежде чем постучались коллеги и нарушили их покой. Кнутссон и Торен пришли, естественно, вместе. Кнутссон побывал в полиции, поболтал с сотрудниками и принес с собой кучу бумаг. Торен пристроил грязные шмотки Бекстрёма и посетил место преступления. Но никому из них «старики» не предложили ни пива, ни чего-то покрепче. Более того, как только парни постучали в дверь, Бекстрём убрал и бутылки, и стаканы и только потом открыл.

«Алкоголем парни могут баловаться в свободное время», – решил он.

Последним к ним присоединился инспектор Ян Левин, который приехал в компании с их гражданской помощницей Евой Сванстрём. Немного странно, казалось бы, ведь эта парочка оставила Стокгольм раньше всех остальных. Они потратили целых семь часов на четыреста километров, но все знали ответ и не стали спрашивать их напрямую.

– Поездка прошла хорошо, – констатировал Бекстрём и посмотрел на единственную женщину в их компании.

«Бодрая, розовая и недавно из-под мужика, – подумал он. – Но слишком худая, на мой вкус, поэтому лучше промолчать и позволить им продолжать в том же духе».

– Да, просто замечательно, – прощепетала Сванстрём. – Яну понадобилось кое-что сделать по пути, почему мы и задержались.

– Ну да, конечно, – сказал Бекстрём. – Раз уж мы все собрались, давайте решим наши рабочие вопросы, если такие имеются, сейчас, пока мы одни, чтобы не болтать на серьезные темы внизу среди всех этих стервятников. Ты получил кипу бумаг, Эрик. Там, наверное, дела хватит для всех?

«Хотя наверняка нет ничего путного», – для себя отметил он.

Кнутссону дали, в сущности, все, что имелось в распечатанном и законченном виде на момент его прихода в полицию. Вдобавок в шести экземплярах, чтобы каждый из столичной бригады получил свой. Там находились и исходное заявление, и отчет патруля, который первым прибыл по сигналу, фотографии с места преступления и обстановки вокруг него, план квартиры, где нашли жертву, короткая справка относительно личности убитой, а также распечатанный по времени перечень мер, уже предпринятых местными коллегами.

Бекстрём испытал легкое разочарование, быстро пробежав глазами этот перечень. Они, похоже, не упустили ничего самого очевидного. По крайней мере, из того, что он, которому скоро предстояло взять бразды правления в свои руки, наверняка включил бы в перечень необходимых мер сам.

– Вопросы? – поинтересовался Бекстрём, и все покачали головой в ответ. – Еще не время жрать, – сказал он и криво улыбнулся.

«Лентяи. Им бы только поесть, выпить и потрахаться».

– Нам известно, когда будут какие-то результаты от патологоанатома и экспертов? – спросил Рогерссон.

– Вскрытие назначено на завтра, – сообщил Кнутссон. – Они конечно же отвезли ее в отделение судебной медицины в Лунд. Коллеги из технического отдела стараются как могут, но сотрудник, с которым я разговаривал, считает, что им в любом случае удастся гарантированно получить образцы спермы преступника, и вдобавок у них есть след крови на наружной стороне окна спальни. Имеется также одежда, которая, по их мнению, принадлежит убийце и которую он забыл, когда убрался оттуда. Преступник, похоже, спешил, и тот коллега, с кем я разговаривал, почти уверен, что он выпрыгнул на улицу через окно спальни. Возможно, тогда и поранился о подоконник.

– Ты сказал что-то об одежде, – проворчал Бекстрём. – Неужели нам так повезло и он сбежал без штанов?

– Ну, фактически да, – кивнул Кнутссон. – Я же не знаю, как он был одет, когда пришел туда, однако свалил оттуда, похоже, без трусов.

– Серьезная оплошность с его стороны, – заметил Бекстрём. – Но в них ведь не лежали его водительские права, настолько нам уж точно не повезло.

«Таких идиотов раз-два и обчелся, – подумал он. – Наш клиент, кажется, не отличается умом, и это обычно хороший признак».

– Помнишь, Бекстрём, – сказал Рогерссон, чье настроение, похоже, резко пошло в гору. – Помнишь придурка, задушившего бабу у нее дома в квартире на Хёгалидсгатан? Убийство Ритвы. Так ее звали. Он еще прибрал за собой, вытер отпечатки пальцев и надраил до блеска стены, пол и потолок, прежде чем убрался восвояси. Пахал как проклятый несколько часов. Жаль только, что проживавшей там Ритве было уже безразлично, какую красоту он навел у нее.

– Конечно, помню, – подтвердил Бекстрём. – И ты, и я принимали в этом деле участие, оно ведь, по сути, единственное, о котором ты болтал последние двадцать лет.

– Ну да, ну да, сейчас нам так не повезет, – заметил Рогерссон, по-прежнему сохраняя веселое настроение. – Интересно, как он чувствовал себя, когда захлопнул за собой дверь, и тут до него внезапно дошло, что он кое-что забыл в квартире?

– Конечно, не лучшим образом, – усмехнулся Бекстрём. – Ты, Петер, прогулялся и осмотрел место преступления, – продолжил он, кивнув Торену. – И как, по-твоему, оно выглядит?

– В чем была суть? – спросил Торен. – Извини молодого недоумка, но в чем была суть?

– Какая еще суть? – проворчал Бекстрём.

«О чем, черт побери, он говорит? Неужели трудно ответить на простой вопрос».

– С Хёгалидсгатан, – не сдавался Торен.

– Ах вот ты о чем... – сказал Бекстрём. – Ну, он забыл свой бумажник с правами и всем другим, что обычно в нем лежит, на ночном столике жертвы. Однако в остальном навел после себя чистоту. Эксперты фактически не нашли даже волосинки. Но если мы теперь вернемся к нашему собственному месту преступления...

– Это невероятно, – воскликнул Кнутссон, и сейчас он выглядел столь же оживленным, как и Рогерссон.

– Давайте о нашем деле, – напомнил Бекстрём. – Как все выглядит на месте преступления?

Самым обычным образом, если верить Торену. Все выглядело столь же печально, как и всегда, когда изнасилована и задушена женщина. Пожалуй, сейчас даже еще более удручающе, поскольку преступник был один на один с жертвой у нее дома, судя по всему, полностью контролировал ее и явно не испытывал недостатка во времени.

К сожалению, не удалось найти никаких классических кандидатов в данной связи. Бывшего или нынешнего друга или кого-то иного, кого она знала и кому могла вверить себя. Она, похоже, обходилась без парня довольно долго, и среди ее знакомых или соседей не значилось безумцев или просто подозрительных личностей. Кошмарная для полиции ситуация. Незнакомый жертве преступник. Кто-то, кого она прежде не знала, и в худшем случае никто другой не знал тоже.

– То есть, судя по всему, речь идет о сложном умышленном убийстве, – подвел итог Торен.

– Ладно, – сказал Бекстрём. – Разберемся. Сейчас пойдем и пожрем, а потом спокойно прочитаем бумаги перед сном. Постарайтесь не разбрасывать их нигде, и тогда ничего не попадет в газеты. Здесь полно журналистов и прочего воронья. Но сейчас, по крайней мере, мне надо поесть. Я чертовски голоден, у меня с утра маковой росинки во рту не было.

– Напишите на бумагах ваши имена и передайте мне, я запру их у себя в шкафу на время обеда, – предложила Сванстрём.

– Отличная идея, – согласился Бекстрём и про себя добавил: «Заботливая ты наша. И все-таки слишком худая».

После ужина все отправились в свои комнаты, чтобы начать читать материалы по делу. Так, по крайней мере, они сообщили Бекстрёму, а Кнутссон и Торен, естественно, собирались делать это вместе. Даже у Рогерссона, который обычно не отличался чрезмерным усердием, похоже, проснулась страсть к чтению. Однако сначала он проследовал за Бекстрёмом в его номер и позаимствовал у него пару банок крепкого пива. Но отклонил предложение Бекстрёма опрокинуть вместе по рюмочке перед сном.

– Ты не заболеваешь, Рогге? – спросил Бекстрём. – Я начинаю за тебя беспокоиться.

«Чертов импотент», – подумал он.

– Не-а, – усмехнулся Рогерссон. – Никакой опасности. Просто надо воспользоваться случаем и вздремнуть пару часиков, чтобы быть в форме утром.

Они расстались, что было Бекстрёму на руку, поскольку он собирался успеть по-тихому пробежаться по городу, разведать ситуацию. А этим предпочитал заниматься в одиночку.

Бекстрём выбрался из городского отеля через запасной выход и немного прогулялся по центральной части города. Мимо резиденции губернатора лена и кафедрального собора, мимо красивых старых зданий, реставрированных надлежащим образом, и мимо многочисленных кафе под открытым небом с по-летнему одетыми людьми, которых, казалось, никак лично не затронуло тягостное событие, которое привело его в этот город.

– Как вообще можно убить кого-то таким способом в таком месте, – размышлял Бекстрём. – Наверняка это был первый случай в местной криминальной практике.

На пути ему попадались немало приятных заведений, на улице было двадцать градусов тепла, хоть часы уже показывали двенадцатый час ночи, но Бекстрём проявлял стойкость и собирался вернуться в отель.

Однако в какой-то момент он все же решил выпить пива на свежем воздухе и расположился в самом темном углу рестораника, чтобы его никто не побеспокоил.

«Здесь опять же не так много народу», – подумал он. Его коллеги не попадались ему на глаза, и самое простое объяснение состояло в том, что они действительно выполняли данное ему обещание. Если он и сомневался, то лишь в отношении Левина и малышки Сванстрём,

поскольку вряд ли чтение служебных документов было для них приоритетным занятием. Что же касается Кнутссона и Торена, с ними все наверняка обстояло гораздо проще. Они сидели в номере того или другого и болтали об умышленных убийствах и, пожалуй, если никто им не помешает, могли потратить на эту болтовню полночи.

А что еще от них ожидать, и явно ведь трезвые, как сволочи. Бекстрём пригубил свое пиво. Он успел далеко зайти в своих размышлениях, когда его внезапно прервали:

– Этот стул свободен?

Вопрос задала женщина неопределенного возраста – между тридцатью пятью и сорока пятью, чьи лучшие дни уже миновали. Но она, во всяком случае, была не худая, скорее даже наоборот. И это лучше.

– Зависит от того, кто спрашивает, – ответил он, уже решив для себя: «Журналистка».

– Мне, пожалуй, надо представиться. – Она поставила на стол перед собой бокал пива и опустилась на свободный стул. – Меня зовут Карин Огрен, – заявила она и протянула свою визитную карточку. – Я работаю журналистом на местном радио.

– Какая фантастическая встреча! – сказал Бекстрём и улыбнулся. – И чем я могу помочь тебе, Карин? – «Может, завалить в койку у меня в номере?»

– Чем-нибудь сможешь. – Карин улыбнулась, обнажив белые зубы. – Случается же такое. Я ведь узнала тебя. Видела раньше, когда работала на ТВ-4 в Стокгольме пару лет назад. Я делала репортаж об одном судебном процессе, на котором ты выступал в качестве свидетеля. Трое русских убили с целью ограбления пожилую пару. Можно спросить, что Государственная комиссия по расследованию убийств делает в нашем городе?

– Понятия не имею, – пожал плечами Бекстрём и сделал большой глоток из своего бокала. – Лично я собирался посетить отчий дом Астрид Линдгрэн.

– Мы, пожалуй, могли бы созвониться, – улыбнулась она, столь же широко, как и в прошлый раз, показав белые зубы.

– Конечно, – согласился Бекстрём. Сунул в карман ее визитку, кивнул и прикончил свое пиво. Потом он поднялся и одарил Карин своей самой эффектной улыбкой. Уважаемый полицейский чиновник из большого города. Суровый со всеми, кто этого заслуживал, но самый приятный парень в мире, если к нему нежно отнестись и погладить в правильном месте.

– Я воспринимаю это как обещание, – сказала она. – Иначе мне придется начать охоту за тобой.

Она приветственно подняла свой бокал и улыбнулась ему в третий раз.

«Вполне подходящая тетка, – подумал Бекстрём четверть часа спустя, когда стоял перед зеркалом в ванной у себя в номере и чистил зубы. – Сейчас главное – не спешить и делать все по порядку, тогда у нее скоро появится шанс отведать суперсалями Бекстрёма».

7

Вразрез с тем, что думал Бекстрём, комиссар Ян Левин сразу после ужина уединился у себя в номере с целью в тишине и покое прочитать документы, касающиеся нового дела. Он подытожил все хорошее и плохое, и пусть находившиеся сейчас у него данные в большинстве своем носили предварительный характер, многое в них все равно говорило в пользу самого Левина и его коллег. Они знали имя жертвы, место преступления, и имелось по крайней мере приблизительное представление о том, как оно происходило. Он и его коллеги прибыли в Векшё уже менее чем через сутки после рокового события, а сотрудники Государственной комиссии по расследованию убийств редко получали такие подарки. Преступление произошло в здании, что при прочих равных условиях представлялось более привлекательной ситуацией, чем если бы все случилось на улице, и жертва, похоже, была вполне нормальной молодой женщиной без каких-либо экстравагантных привычек и контактов.

Но, несмотря на это, он не избежал обычно терзающего его беспокойства. Сначала даже подумывал посетить место преступления на улице Пера Лагерквиста, чтобы увидеть все своими глазами и попытаться создать собственную картину, однако, поскольку коллеги из технического отдела трудились там засучив рукава, решил понапрасну им не мешать.

За неимением лучшего, с целью чем-то занять себя, Левин включил компьютер, вошел в Сеть и почитал о писателе, нобелевском лауреате Лагерквисте, чье имя носила улица, где жертва расследуемого им преступления рассталась с жизнью.

«Хотя какое отношение он имеет к делу? – подумал Левин. – Умер ведь еще тридцать лет назад».

Писатель оказался уроженцем Векшё, что не стало особой неожиданностью. Родился в 1891 году последним из семерых детей в семье с не самым лучшим финансовым положением. Отец работал начальником депо на городской железнодорожной станции, а его высокоодаренный младший сын, в отличие от своих старших братьев и сестер, смог нормально выучиться и в возрасте восемнадцати лет окончил гимназию в Векшё.

Повзрослев, он уехал оттуда и стал писателем. В двадцать пять лет, в 1916 году, добился признания на литературном поприще благодаря сборнику рассказов «Страх». Позже стал членом Шведской академии и в 1951 году получил Нобелевскую премию.

А всего несколько месяцев спустя в честь Лагерквиста назвали улицу в городе, где он родился и вырос. Более чем за двадцать лет до его смерти, что вообще-то было обычным делом, когда речь шла о знаке уважения для неординарных личностей, хотя дома, которые собирались возводить на носившей имя писателя улице, на тот момент существовали только в перспективных планах районной застройки.

Сегодня один из этих домов стал для Левина новым местом преступления, и он намеревался побывать там, как только выкроит время. Но не сегодня, не этим вечером, поскольку не стоит мешать коллегам из технического отдела.

И Ян Левин отправился на прогулку по городу, по пустым ночным улицам, и они через четыреста метров привели его к новому зданию полиции, которое он ранее никогда не посещал и которому предстояло стать его офисом на ближайшее время.

Оно находилось на Сандьердсгатан около площади Оксторгет. Законченное на пороге тысячелетия и напоминавшее коробку сооружение в четыре или пять этажей, в зависимости от того, как считать, с бледно-желтым фасадом, где вдобавок размещались прокуратура, зал суда для решений об аресте и следственный изолятор. Фабрика правосудия, практически устроенная так, что вмещала в себя все его цеха, и служившая явным и малоутешительным посланием для тех, кто попадал туда, и плохим подтверждением тезиса о необходимости обращаться с любым подозреваемым как с невиновным, пока обратное не будет доказано на сто процентов.

Слева от входа Левин обнаружил маленькую медную табличку, рассказывавшую о том, что на этом месте ранее находился старый молокозавод Векшё со скотными дворами, где торговали крупным рогатым скотом. Во времена Лагерквиста и еще много лет после того, как он стал нобелевским лауреатом. И от всего этого у Левина почему-то сделалось тоскливо на душе, он повернулся на каблуках и пошел в отель, чтобы поспать несколько часов, прежде чем работа начнется всерьез.

До того как заснуть, Левин поразмышлял относительно страха. Наверняка вполне обычная тема для поэта и прозаика, совершенно независимо от времени, когда он жил. И самая заурядная тема для писателя любого возраста в разгар мировой войны, разбросавшей костры пожарищ по всей Европе.

Ян Левин много знал о страхе. О личном, преследовавшем его с детства. Страх этот, конечно, с возрастом все реже посещал Левина дома, но по-прежнему подкарауливал за его пределами, постоянно присутствовал где-то рядом, в любой момент готовый наброситься, когда у Левина не будет достаточно сил защищаться. Нежданно-негаданно, каждый раз как послание от неизвестного отправителя. Явно нацеленное на результат, пусть и само по себе всегда завуалированное, вне логики и смысла.

А еще был страх, который охватывал Левина в силу его профессии в тех случаях, когда он сталкивался с жестокими насильственными преступлениями, которые ему приходилось расследовать. Встречи с трагическим исходом, заходившие в тупик отношения, дававшие почву для боязни и ненависти. Те уголовные дела, что порой попадали на его стол в Государственной комиссии по расследованию убийств в Стокгольме.

Его посещали мысли о страхе, который на месте преступления мог охватить даже самого закоренелого и бессовестного преступника, когда до него доходил масштаб содеянного. Понимавшего, что полиция рано или поздно обнаружит его, и предпочитавшего спрятаться где-то в темноте. Но одновременно сознававшего, что такие, как Левин, будут искать его именно там.

«Зачем я забиваю себе сейчас этим голову? – подумал Ян Левин. – Не иначе как в попытке совладать с моим собственным страхом». На этой мысли он наконец заснул.

8

«Прав я или не прав, но нам остается только надеяться, что мы не наткнемся ни на что большее», – думал Бекстрём, спускаясь на первый этаж отеля в субботу утром, чтобы позавтракать. Вечерние издания уже пришли. И пусть часы показывали только четверть девятого, газеты уже лежали на своем месте перед стойкой дежурного администратора. Бекстрём прихватил себе два экземпляра и взял курс на обеденный зал, где надеялся найти своих коллег.

Вся первая полоса и приличная площадь остальных касались «его» умышленного убийства, и угол, под которым подавался материал, был точно таким, как он и предполагал. «УБИЙСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ», – кричал самый крупный из двух заголовков, в то время как немного меньший пытался выглядеть более ярко: «МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА-ПОЛИЦЕЙСКИЙ УБИТА... Задущена, изнасилована, к тому же ее пытали».

Бекстрём чертыхнулся вполголоса, сунул газеты под мышку, взял поднос и принялся заполнять его едой.

Нельзя расследовать преступление такого рода на голодный желудок. Руководствуясь этими соображениями, он положил приличную порцию яичницы, бекона и колбасы себе на тарелку.

– Ты видел вечерние газеты, Бекстрём? – спросил Левин, когда тот опустился на стул перед столом, где сидели остальные. – Интересно, как чувствуют себя родственники девушки, когда читают их.

«Да у тебя, приятель, проблемы с головой», – подумал Бекстрём, который уже быстро перелистывал прессу левой рукой, в то время как правой с наименьшей скоростью отправлял в рот яичницу и колбасу.

– Это ведь просто-напросто... чертовщина какая-то, – согласился с Левиным Торен, не позволявший себе обыкновенно крепких выражений.

«Еще один», – Бекстрём хмыкнул между двумя закладками еды и продолжил читать.

– Почему политики ничего с ними не делают, – поддержал друга Кнутссон. – Подобное надо запретить в законодательном порядке. Это столь же серьезное посягательство на личность, как... да... как то, которому подверглась жертва.

«Да-а, подумать только. Почему бы политикам не сделать это? Запретить газетам писать массу всякого дерьма», – размышлял Бекстрём в то время, как ел и параллельно читал.

Так продолжалось целых пять минут, пока Бекстрём молча не набил утробу, покончив одновременно с газетами и завтраком. И единственным, кто не сказал ни слова за все время, был Рогерссон. Впрочем, он редко вел себя иначе с утра.

«По крайней мере один, у кого голова на плечах и язык не как помело», – подумал Бекстрём, в то время как первый представитель третьей власти подошел, представился и поинтересовался, может ли он задать несколько вопросов. Тогда коллега Рогерссон открыл рот.

– Нет, – сказал он, и вкупе с выражением его глаз ответ явно был исчерпывающим, поскольку тот, кто его задал, сразу же удалился восвояси.

«Рогерссон хорош, – оценил Бекстрём. – Ему даже не понадобилось рычать и показывать зубы, в чем он, кстати, тоже знает толк».

– Есть другое дело, которое больше беспокоит меня, – сказал Бекстрём. – Но к нему мы вернемся, только оставшись одни.

Такой случай им представился, лишь когда они припарковались за закрытыми воротами во дворе здания полиции.

– Я полагаю, все прочитали вечерние газеты? – поинтересовался Бекстрём.

– Я успел глянуть телевизор тоже, и там все не намного лучше, – сказал Левин.

– Это просто-напросто дьявольщина какая-то, – согласился Торен, который явно начал побеждать свою неприязнь к самым невинным крепким словечкам в шведском языке.

– В первую очередь меня беспокоит, что все, о чем мы разговаривали вчера, уже напечатано в газетах, – сказал Бекстрём. – Черт с ними с формулировками и всевозможными дьявольскими рассуждениями, но вспомните, какие данные приводятся там... Напрашивается единственный разумный вывод, что этот корабль уже течет как решето. – Бекстрём кивнул на здание полиции, которому предстояло стать их офисом на ближайшее время. – А если мы не разберемся с данной проблемой, в будущем нас ждет нечто худшее, чем мы того заслуживаем, – добавил он.

И ни у кого не нашлось возражений.

Сначала Бекстрём встретился с комиссаром лена и коллегой из Векшё, назначенным руководить расследованием со стороны местной полиции. Тем самым он автоматически являлся непосредственным начальником столичного гостя со всей его командой. Что Бекстрёма нисколько не смущало.

В формальном смысле именно такой порядок всегда действовал, когда они с коллегами из Государственной комиссии по расследованию убийств выезжали в провинцию и пытались свести концы с концами после деревенских шерифов. И поэтому, спокойно пожав руки обоим аборигенам, Бекстрём с серьезной миной выслушал монолог шефа полиции лена.

– Несмотря на все печальные обстоятельства, – сказал тот, – я все равно рад и могу вздохнуть с облегчением, поскольку ты и твои коллеги нашли возможность приехать сюда и помочь нам. Как только мне стало известно, что случилось, я позвонил твоему главному шефу... главкримпу Нюландеру, и попросил о помощи... мы старые друзья еще с учебной поры... и если я поднял тревогу совершенно напрасно, это исключительно моя вина.

Здесь он перевел дух, а потом закончил с чувством:

– Спасибо, что ты приехал, Бекстрём. Большое спасибо.

Бекстрём кивнул.

«Бывают же такие идиоты, – подумал он. – Выпей две таблетки валиума и езжай домой к своей бабе, а дядюшка Бекстрём обо всем для тебя позаботится».

– Да, я целиком и полностью согласен с моим шефом, – вставил свое слово Олссон. – Мы очень рады, что ты и твои коллеги приехали к нам.

– Спасибо, – сказал он. «Еще один. И откуда они берутся? Ладно, пора переходить от слов к делу».

Но прежде чем заняться делом, им требовалось, конечно, решить вопрос разделения труда, и особенно в каких формах все будет происходить.

– Мы, как обычно, руководствуемся нашими инструкциями, – сказал Бекстрём. «Поскольку читать вы умеете в любом случае».

– Если ты не имеешь ничего против, Бекстрём, то я собирался взять на себя контакты с окружающим миром... со средствами массовой информации, плюс вопросы персонала и прочее администрирование, – предложил Олссон. – У нас же будет довольно много народу. Во-первых, вас шестеро и, во-вторых, не менее двух десятков с нашей стороны. Мы позаимствовали людей из Йёнчёпинга и Кальмара, и в результате задействовано целых три десятка коллег. Так у тебя нет никаких возражений?

– Ни малейших, – сказал Бекстрём. «Пока они делают то, что я говорю».

– Еще у нас есть одна практическая проблема, – продолжил Олссон и обменялся взглядами со своим главным боссом. – Если шеф не против, я представляю ее.

– Давай, Бенгт, – разрешил шеф.

– Это ведь возмутительное событие, ужасное просто-напросто... Опять же время отпусков, когда не хватает народа, а многие из коллег, которых мы призвали на помощь, молоды и, пожалуй, недостаточно опытные... Поэтому шеф и я уже вчера приняли решение о необходимости подключить к разыскной группе специального кризисного терапевта, чтобы те, кто работает по делу, имели возможность постоянно находиться под присмотром профессионала и могли получать квалифицированную помощь, если в ней возникнет необходимость в связи с данной историей... «разбор полетов» просто-напросто, – закончил Олссон и тяжело вздохнул, словно ему уже потребовалась такая услуга.

«Этого не может быть, черт побери», – подумал Бекстрём, но у него, естественно, и мысли не возникло произнести свое мнение вслух.

– Вы имели в виду какого-то конкретного человека? – спросил он, отчаянно пытаясь выглядеть столь же заинтересованным, как и остальные присутствующие в комнате.

– У нас есть очень опытный психолог-женщина, которую мы привлекаем к работе, а кроме того, она проводит курсы в рамках подготовки полицейских здесь, в Векшё. И имеет очень высокую репутацию как лектор.

– И как зовут ее? – поинтересовался Бекстрём.

– Лилиан... Лилиан Олссон, или Лу, как мы ее называем, – сообщил Олссон. – Не подумайте, мы с ней не родственники. Ни в коей мере.

«Нет, вы только дьявольски похожи, – подумал Бекстрём, – и как было бы практично, если бы все идиоты могли иметь одну и ту же фамилию».

– Хорошее дело, – пробурчал он. – Я полагаю, она не будет участвовать в самой разыскной работе. – «Лучше сказать это сразу».

– Нет, естественно, нет, – подтвердил полицмейстер. – Она только собиралась присутствовать на первой встрече и представиться, чтобы все знали, как при необходимости связаться с ней и так далее. Мы выделили для нее здесь комнату.

Все прошло вполне нормально, несмотря ни на что, – констатировал Бекстрём, когда встреча с полицмейстером наконец закончилась. Всех его помощников разместили там, где и следовало. Левину досталось сидеть прямо под ним, и от него требовалось изучать все поступающие в рамках расследования материалы. Отделять большое от малого, важное от несущественного. Заботиться о том, чтобы все ценное находилось на виду, а всякая ерунда быстро оказывалась в папках на самой дальней полке.

Рогерссон должен был отвечать за допросы, в то время как Кнутссону и Торену выпало сидеть по соседству друг с другом и управлять внутренним и внешним сыском. Ему даже удалось организовать все для малышки Сванстрём. В силу ее большого практического опыта работы с документами в связи с умышленными убийствами ей было поручено руководить местными коллегами из гражданского персонала и отвечать за регистрацию всех бумаг, которые угрожали заполнить помещения разыскной группы.

И самое важное из всего – на долю Бекстрёма выпали обязанности рулевого.

«Не так плохо, – подумал он, входя в большую совещательную комнату, где всем охотникам за убийцей Линды предстояло собираться на регулярные встречи, и занимая свое место за столом. – Не так плохо, в любом случае пусть еще одна глупая баба и получила право вмешиваться в нашу работу, хотя она, по-видимому, никогда не имела отношения к подобным вещам, насколько я понимаю».

Для начала, как обычно, все назвали свои имена и рассказали, чем занимаются. Поскольку в комнате собрались тридцать четыре человека, вся процедура заняла приличное время, но даже это Бекстрём смог вытерпеть, поскольку собирался избавиться от двоих из них, как только закончится презентация. Пресс-секретаря полиции Векшё и исповедницы их команды. Они по удачному стечению обстоятельств представлялись последними, и первая из

них высказалась на удивление коротко и четко: она, и только она имеет право на контакты с прессой после согласования с руководством расследования.

– Прежде чем взялась за эту работу, я сама проработала полицейским почти двадцать лет, – констатировала она. – Я знакома с большинством сидящих здесь, и, поскольку вы тоже меня знаете, вам известно, что со мной шутки плохи, если меня достать. После прочтения вечерних газет у меня, к сожалению, возникла потребность напомнить всем вам о правилах обращения с секретной информацией. И если кто-то забыл их, самое время освежить память. И проще всего, естественно, держать рот на замке и болтать о данном деле лишь с теми, кто работает по нему, и при наличии веских причин. У кого-то есть вопросы?

Все промолчали, и тогда она кивнула и удалилась – у нее хватало своих дел.

«Ничего себе, – подумал Бекстрём. – Интересно, какой она была, когда работала полицейским? Красивая, хотя уже в годах. Ей, наверное, около сорока пяти, бедняге». При этом его нисколько не смутило, что сам он был десятью годами старше.

Их кризисному терапевту и дипломированному психологу Лилиан Олссон вполне предсказуемо понадобилось больше времени, чем ее предшественнице. А поскольку она оказалась один в один такой, как и представлял Бекстрём (маленькой и худой блондинкой, по меньшей мере за пятьдесят), его это нисколько не удивило.

– Меня зовут, значит, Лилиан Олссон... хотя все, кто знает меня, называют просто Лу, что вы, я надеюсь, также захотите делать... Я, значит, дипломированный психолог и психотерапевт... и многих сидящих здесь наверняка интересует, чем, собственно, занимаются такие, как я, – начала Лу. – Я, значит, психолог... я – терапевт... я читаю лекции и провожу курсы... работаю консультантом... и в свободное время... тружусь в качестве волонтера во многих некоммерческих организациях... которые оказывают социальную помощь женщинам, мужчинам, жертвам преступления... как раз сейчас я также пишу книгу... и многие из присутствующих здесь... это вполне нормально, если человек плохо себя чувствует... кто-то из нас слишком впечатлителен, рассеян, немного депрессивен... в то время как другие пытаются в качестве спасения изображать мачо, стараются замалчивать или отрицать свои проблемы в данной связи... еще кто-то злоупотребляет алкоголем и сексом... сами и втягивая в это своих близких... мы все похожи друг на друга... нам необходимо понять свои проблемы... осмелиться сделать шаг... освободиться от всего, тяжелым камнем лежащего у нас на душе... не бояться показаться слабым... осмелиться попросить о помощи... решиться на то, чтобы вырваться из всего этого... и в первую очередь речь идет о... процессе избавления просто-напросто... ни о чем более... и все здесь, собственно, достаточно просто и естественно.

И моя дверь всегда открыта для вас, – закончила Лу, одарив своей нежной улыбкой всех и каждого в комнате.

«Все одна болтовня». Бекстрём расправил спину и бросил взгляд на свои наручные часы. Целых десять минут драгоценного времени их специальной группы растаяли как дым, поскольку очередной дурочке понадобилось почти четверть часа на рассказ о том, что ее дверь стоит раскрытой нараспашку.

– Ага, – сказал Бекстрём, как только Лилиан Олссон закрыла за собой дверь. – Тогда, пожалуй, мы перейдем к нашим делам. У нас имеется разгуливающий на свободе псих, и наша задача – засадить его в кутузку. Желательно как можно скорее.

«И лучше, если мы сварим из него клей». Этого он не сказал. И так ясно каждому настоящему полицейскому. И кстати, во время выступления мадам психотерапевта он заприметил парочку молодых дарований, которые, судя по их мимике, выглядели весьма многообещающими.

«Пожалуй, здесь есть даже свой будущий Бекстрём», – пришел к заключению Бекстрём при всей невероятности такой мысли.

9

– Тогда перейдем к делу. – Бекстрём подпер голову руками и выдвинул подбородок почти так же далеко, как если бы он был шефом всей Государственной криминальной полиции. – Я думаю, для начала нам надо оценить ситуацию, – продолжал он. – Что известно о жертве и что она собой представляла?

Жертву убийства звали Линда Валлин. Ей было двадцать лет, и исполнилось бы двадцать один год ровно через неделю после того, как ее убили. Осенью ее ждали на втором курсе полицейского училища в Векшё. Она была ростом метр семьдесят два и весила пятьдесят два килограмма. Натуральная блондинка, с коротко подстриженными волосами и голубыми глазами.

Красивая девушка, с точки зрения тех, кому нравятся худые и хорошо тренированные особы, подумал Бекстрём, изучив ее фотографию. Увеличенную копию той, которая находилась на ее удостоверении из полицейского училища, где улыбающаяся Линда смотрела прямо в объектив явно в надежде на прекрасное будущее. Вроде того, например, как в то время, когда она трудилась в полиции Векшё, подменяя ушедших в отпуск гражданских сотрудников, конечно, главным образом сидя на ресепшне, но с честью справляясь со своими обязанностями. На нее не только было приятно смотреть, она делала все с душой, эффективно и пользовалась уважением не только посетителей, но и товарищей по работе.

Окружающие описывали ее как интеллигентную, обаятельную, контактную, способную и увлекающуюся спортом. Пожалуй, ничего неожиданного при мысли обо всем сказанном ранее, но в виде исключения имелись даже бумаги на сей счет. Высокие оценки в гимназии и полицейской школе как по практическим, так и по теоретическим дисциплинам. Вдобавок она быстрее всех своих однокурсниц преодолевала полосу препятствий и являлась самым эффективным нападающим школьной женской футбольной команды. Похоже, она была социально и политически активной в положительном смысле. В школе написала работу на тему «Преступность, расизм и враждебное отношение к иностранцам».

«Не самая типичная жертва убийства, если говорить о представительнице прекрасного пола, но, возможно, из тех, кто может притащить домой кого угодно, и, пожалуй, столь просто и обстояло дело», – подумал Бекстрём.

Родители Линды, как и у многих ее сверстников, развелись. В ее случае уже целых десять лет назад. Линда была единственным ребенком, и, расставшись, отец и мать поделили опеку над ней. За год до развода семья вернулась из США, где они прожили пару лет, поскольку отец начал собственное дело в Нью-Йорке. Когда отношения между родителями дали трещину, мать забрала Линду и возвратилась в Швецию.

Из своих сорока пяти лет пятнадцать она проработала учительницей старших классов в школе в Векшё. Отец, сегодня почти отошедший от дел успешный бизнесмен, был на двадцать лет старше супруги. Он вернулся в родные края, в Смоланд, через несколько лет после Линды и ее матери и ныне проживал в большой усадьбе у озера Роттнен в нескольких десятках километров юго-восточнее Векшё.

От предыдущего брака у него двое сыновей, примерно в два раза старше, чем дочь, которую он потерял. Согласно находящимся в распоряжении полиции данным, Линда почти не поддерживала контактов со своими старшими братьями, зато у нее были хорошие отношения с обоими родителями, пусть те, похоже, не встречались друг с другом после развода.

Обычная семейная история, подумал Бекстрём и решил, что пришло время задать вопрос.

– Она, значит, жила у матери, в квартире, где произошло убийство?

– Линда жила у обоих родителей. Но в последнее время, судя по всему, главным образом у матери, – объяснила коллега из полиции Векшё, в чью задачу входило разложить по полочкам жизнь жертвы.

– И чем она занималась до того, как с ней все это случилось? – спросил Бекстрём заинтересованным и дружелюбным тоном.

«Именно так должны выглядеть женщины-коллеги, если придется довольствоваться ими, – подумал он. – Крашеная блондинка лет тридцати, веселая, и приятная, и хорошо тренированная. Единственная проблема в том, что она наверняка спит с каким-нибудь недалеким коллегой, который в худшем случае сидит в той же самой комнате. Бдительный, как черт».

– Ты обратился как раз по адресу, – улыбнулась коллега. – Мы ведь находились в одном и том же месте, жертва и я. А именно в «Граце», ночном клубе в городском отеле, поскольку там проходят шикарные вечеринки по вечерам в четверг. Правда, Линда ушла домой раньше меня. Я оставалась до закрытия. Надо пользоваться случаем, пока мужик и дети далеко за городом, – объяснила она и, похоже, не испытывала никаких угрызений совести на сей счет. И остальные восприняли ее слова вполне нормально, если судить по едва заметным улыбкам, которые появились на лицах участников встречи.

– Вот как, – сказал Бекстрём столь же заинтересованным и дружелюбным тоном.

А городок-то маловат, особенно если он собирается переспать с кем-то из коллег. Например, с инспектором Анной Сандберг, тридцати трех лет, из полиции Векшё. Так ведь ее, очевидно, звали, если верить списку персонала розыскной группы, лежавшему перед ним на столе.

– Там все на уровне, – констатировала Сандберг. – И народа было хоть отбавляй. Группа «Юллене тидер» выступала в Эланде вчера, поэтому в городе значительно больше народу, чем обычно, и на самом деле я оказалась не единственной из действующих или будущих коллег в заведении... так вот... но все равно считаю, что для начала нам надо разобраться с публикой.

Она одарила Бекстрёма вопросительным взглядом и получила дружелюбный и заинтересованный кивок в ответ.

«Действуй, малышка. А детали мы обсудим потом, когда будем наедине, только ты и я».

Днем в четверг, до того как ее убили, Линда трудилась на ресепшне в здании полиции. Вместе с приятельницей из гражданского персонала она ушла с работы сразу после пяти вечера. Они прогулялись по городу, заглянули в пару бутиков и примерно в половине седьмого съели по салату и выпили минеральной воды в пиццерии на Сандьердсгатан. Тогда девушки также решили встретиться позднее вечером в городском отеле.

Закончив трапезу, они разошлись, и Линда пешком направилась домой. По пути она сделала три звонка со своего мобильного. Первый сразу после половины восьмого – разговор с матерью, которая находилась в своем летнем домике в нескольких десятках километров к югу от Векшё. Они поболтали о разных обыденных вещах, и дочь поделилась своими планами на вечер.

А потом она дважды звонила подруге и соученице по полицейской школе, спрашивала, не хочет ли та «сходить с ней в кабак». При первом разговоре подруга взяла время на раздумье, но Линда позвонила ей снова через десять минут и поведала, что как раз пришла домой и собирается принять душ (на случай, если бы одноклассница сейчас перезвонила и удивилась, почему она не отвечает), и тогда подруга приняла решение составить ей компанию. В четверть двенадцатого они встретились перед городским отелем на площади Стура и вместе пошли в ночной клуб.

Чем Линда занималась с без четверти восемь до одиннадцати вечера, пока не удалось установить в деталях, но, скорее всего, все это время находилась в квартире. Она сама никому не звонила по мобильному, и никто не звонил ей. Зато она разговаривала с отцом по домашнему телефону за несколько минут до девяти, и их разговор продолжался четверть часа. По

словам ее отца, речь шла о всякой ерунде, о событиях у дочери на работе и ее планах на остаток дня. Если верить тому, что Линда рассказала знакомым, с кем она позднее вечером встретилась в кабаке, она также посмотрела музыкальную программу на MTV, начавшуюся в полдесятого, а потом переключилась на ТВ-4 с десятичасовыми новостями.

Примерно час спустя пожилая соседка наблюдала, как она покинула дом и пошла по улице Пера Лагерквиста на юг, в направлении центра. Эти данные дополнительно подтверждались тем, что в четырнадцать минут двенадцатого она сняла пятьсот крон в банкомате SE-банка на углу Стургатан и площади Стура, всего в пятидесяти метрах от городского отеля.

– Я полагаю, здесь все сходится, – подвела итог коллега Сандберг. – Всем девушкам ведь, как известно, требуется время, чтобы привести себя в порядок перед вечеринкой. Именно этим она занималась, когда не разговаривала с отцом и не смотрела телевизор. Она просто-напросто наводила красоту перед выходом в люди, – закончила Сандберг, неожиданно погрузнев.

– Что происходило в кабаке? – спросил Бекстрём. «Все бабы похожи друг на друга, и, если так пойдет дальше, у нашей мадам психотерапевта хватит работы».

Ход событий в ночном клубе пока не удалось восстановить в деталях по вполне естественным причинам. Там хватало народа, все сновали туда-сюда, как обычно бывает в подобных заведениях, и многих еще не успели допросить. В тот вечер суеты вдобавок получилось немного через край, поскольку в мероприятии принимали участие несколько местных дарований, которые успели засветиться в реалити-шоу на телевидении и зарабатывали себе на хлеб, выступая в ресторанах.

И все-таки в клубе, похоже, не случилось ничего драматического или даже интересного, поскольку Линда предпочла уйти через несколько часов. Она пофланировала немного по заведению, как делают все в подобных местах. Посидела в двух разных компаниях. Поболтала и потанцевала и, судя по всему, пребывала в хорошем настроении. Не поругалась и даже не поспорила ни с кем, и никто не доставал ее. Она не была особенно пьяной. Выпила крепкого пива, возможно, стопку ликера, а потом самое большее бокал белого вина, которым женщина, с которой Линда работала вместе в полиции, угостила ее.

Примерно между половиной третьего и тремя часами утра она столкнулась с соучеником по школе полиции и сообщила, что собирается пойти домой и лечь спать. Охранник на входе видел, как она уходила («за несколько минут до трех, если ты спросишь меня») и, по его словам, была трезвая, одна и не выглядела ни особенно радостной, ни печальной, когда он провожал взглядом девушку, удалявшуюся через площадь, мимо резиденции губернатора, в направлении ее дома на улице Пера Лагерквиста.

В худшем случае именно там она растворилась в некоем тумане неизвестности. Никто не видел ее на пути от кабака до квартиры, а это приблизительно километр. По крайней мере, никто сам не дал о себе знать. Она не вела никаких разговоров по мобильному и не отвечала на звонки. Кроме того, в городе было спокойно, и особенно вдоль улиц, по которым Линда, вероятно, шла к себе.

– Хорошо, – сказал Бекстрём и обвел взглядом свою разыскную группу. – Данный отрезок важен, как вы наверняка понимаете. Я хочу в мельчайших деталях знать, что происходило в ночном клубе. Каждого, кто хотя бы заходил туда, надо допросить, всех гостей, весь персонал и, конечно, артистов. Особенно их. То же самое касается ее прогулки домой. Значит, никакие свидетели не дали о себе знать?

Бекстрём вопросительно посмотрел на ассистентку, которая, казалось, испытывала угрызения совести, когда отрицательно покачала головой.

– Камеры наблюдения, – сказал Бекстрём с нажимом. – Ты упоминала какой-то банкомат? Там же наверняка есть камера?

«Чертовы любители».

– Мы изъяли запись с нее, – сообщила Сандберг. – Но, к сожалению, еще не успели посмотреть. Не хватило времени.

– Есть еще камеры на ее пути домой?

Бекстрём с мрачной миной раскачивался на локтях.

– Мы как раз это проверяем сейчас, – стала оправдываться Сандберг. – Я, конечно, подумала обо всем таком, но мы просто не успели.

– Тогда нам надо заняться этим в первую очередь, – парировал Бекстрём. – Пока торговец на углу и все другие, кто думает, как он, не посчитают, что о нем и о его разрешении на собственную маленькую камеру забыли, и не решат спрятать ее и уничтожить запись, сделанную в ночь на пятницу.

– Я понимаю, о чем ты, – отозвалась коллега Сандберг.

– Замечательно, – проворчал Бекстрём. – И самое время начать стучать во все двери между кабаком и ее домом. Поручите это коллегам, которые уже приступили к обходу в квартале, где она жила.

Сейчас она довольствовалась только кивком и сделала запись у себя в блокноте.

Бекстрём скосился на свои наручные часы. Было уже почти три, у него начало сосать под ложечкой от голода, а они еще даже не дошли до места преступления. И если он не собирался сидеть и болтать здесь целый день, ему стоило взять бразды правления в свои руки, ускорить процесс и позаботиться о том, чтобы его группа занялась делом.

Бекстрём кивнул ответственному со стороны экспертов по фамилии Энокссон. Все звали его Эноком, и он был комиссаром и начальником отдела.

– Поправь меня, если я ошибаюсь, Энокссон. Местом преступления стала квартира, где живут она и ее мать, и все произошло примерно на рассвете. Пожалуй, между тремя и пятью утра в пятницу. По твоему мнению и мнению твоих коллег, ее задушили и изнасиловали, и, с большой долей вероятности, мы говорим об одном преступнике.

– Мне не в чем поправлять тебя, – сказал Энокссон, который сам выглядел так, словно ему необходимо поесть и поспать. – Именно так я думаю. Кроме того, мы почти уверены, что он сбежал через окно в спальне. Мы нашли кровь и остатки кожи на железном подоконнике.

– Почему он просто не ушел через входную дверь? – поинтересовался Бекстрём.

– Если все обстоит так, как говорит обнаружившая ее соседка, то квартира была заперта изнутри. А замок нельзя закрыть снаружи, просто захлопнув дверь. Как мы считаем, он ушел, когда разносчик газет сунул утреннюю прессу в почтовый ящик. По нашему мнению, он решил, что кто-то сейчас войдет в квартиру, а поскольку спальня находится дальше всего от входной двери, то выпрыгнул из ее окна.

– Когда там разносят газеты? – уточнил Бекстрём.

– Сразу после пяти утра, и здесь все вроде сходится. – Энокссон кивнул в подтверждение своих слов.

– Нам известно еще что-нибудь? – спросил Бекстрём.

– Кодовый замок на двери в подъезд не работал. Он барахлил, и разносчик газет жаловался по этому поводу. В среду уже можно было входить, не набирая код. Замковая фирма обещала все починить в четверг, но они не успели.

Энокссон вздохнул и пожал плечами.

– Дверь в квартиру, Энокссон? Что с ней?

– Никаких следов взлома, – констатировал эксперт. – Никаких других признаков насильственного проникновения в коридоре тоже. Поэтому либо девушка впустила его добровольно, либо забыла запереть за собой дверь.

– Возможно также, он приставил ей нож к горлу, когда она вошла в подъезд, и вынудил отпереть. Или забрал у нее ключи, – парировал Бекстрём.

– Подобное тоже нельзя исключать, – согласился Энокссон. – Конечно же нам надо поработать в квартире еще пару дней, прежде чем картинка окончательно прояснится. А результаты анализов из криминалистической лаборатории задерживаются, как обычно, но судмедэксперт должен сообщить предварительные выводы самое позднее завтра утром, он старается со вскрытием, как может.

– То есть у нас есть и хорошие новости, пусть их и мало, – произнес Бекстрём с более дружелюбной миной.

«Надо менять маски, – подумал он. – Много кнута и чуть-чуть пряника».

– Мы имеем кровь, сперму и, вероятно, его пальчики, то есть, похоже, не все так плохо, – констатировал Энокссон.

– Но ты хотел бы подождать с выводами? – Бекстрём по-прежнему улыбался.

– Да, так думаю и я, и мои коллеги из технического отдела. – Энокссон снова кивнул в знак подтверждения своих слов, как бы подчеркивая, что для всего есть свое время, и для Бекстрёма тоже. – Пожалуй, я могу предложить тебе пока пару скромных соображений.

– Я слушаю, – сказал Бекстрём. Хотя, конечно, он не собирался заниматься этим целый день, поскольку у него в желудке уже начало твориться черт-те что.

– Во-первых, по-моему, она впустила его добровольно. Или встретила с ним по пути и пригласила к себе домой. Или раньше условилась о встрече. Судя по обстановке в квартире, все ведь сначала происходило довольно дружелюбно.

– Значит, так ты считаешь, – сказал Бекстрём, помедлив.

«А ведь такая, судя по всему, могла впустить кого угодно», – подумал он.

– И во-вторых, при всем уважении к тому, что коллега Анна сказала немного ранее, в моем понимании Линда не жила там в полном смысле слова. Я читал протокол допроса матери, и, мне кажется, именно так все и обстояло.

– И почему у тебя сложилось такое мнение? – спросил Бекстрём.

– Она лежала в кровати матери, – стал объяснять Энокссон. – Вне всякого сомнения, именно в ней он и убил ее. Это единственная кровать в квартире. Вполне возможно, она спала на достаточно большом диване в гостиной, но никаких признаков, указывающих на то, что она пользовалась им, скажем так, в течение долгого времени, нет.

– Но ее мать ведь учительница, – возразила инспектор Сандберг, явно почувствовав себя уязвленной. – Она в отпуске уже почти месяц и, вероятно, по большей части находилась в деревне. Во всяком случае, если вспомнить о погоде, которая стоит.

«Эти чертовы бабы никогда не сдаются, – подумал Бекстрём. – Всегда, всегда надо повыступать».

– Я услышал тебя, Анна, – сказал Энокссон. – Но, судя по всему, она не собиралась переехать туда навеки. Единственное, что мы нашли в квартире, была дорожная косметичка Линды в ванной и матерчатая спортивная сумка, которая стояла на верхней полке гардероба в комнате, явно служащей ее матери рабочим кабинетом. В ней комплект чистого белья и одна блузка. Поэтому мне пришло в голову, что Линда жила там, только когда мать отсутствовала и когда сама девушка хотела находиться в городе с целью, например, поразвлечься. Как в четверг, когда она посетила ночной клуб.

– Нам надо копать дальше, – констатировал Бекстрём и улыбнулся дружелюбно также и Анне. – Я не знаю, как вам, но, по крайней мере, мне сейчас надо немного перекусить.

10

Сначала Бекстрём и Рогерссон собирались улизнуть в город и пообедать в каком-нибудь тихом заведении, где никто не помешал бы им выпить по большой кружке крепкого пива, которое, как оба полагали, они вполне заслужили. Но, увидев целое стадо журналистов перед входом в здание полиции, оба сразу развернулись на каблуках и расположились в ресторанчике для персонала. Нашли пустой столик в дальнем углу и довольствовались дежурным блюдом с легким пивом.

– Чем вообще люди думают, если подают жареную или вареную колбасу, макароны и на десерт смоландскую сырную лепешку с вареньем, когда на улице жара почти тридцать градусов. Это ведь выглядит как опарыши, – сказал Рогерссон с недовольной миной,ковыряясь вилкой в макаронах.

– Нашел кого спросить, я никогда не жрал червяков, – ответил Бекстрём. – А по-моему, вкусно. Но если тебя интересуют опарыши, можешь поболтать с Эгоном.

«И удачи тебе», – подумал Бекстрём, поскольку Эгон был еще более молчалив, чем коллега Рогерссон.

– С каким еще к черту Эгоном? – проворчал Рогерссон устало.

– С моим Эгоном, – ответил Бекстрём.

– Ты даешь ему опарышей? – Рогерссон недоверчиво посмотрел на Бекстрёма.

– Личинки насекомых, мух, все одно и то же. Правда, только по праздникам. Ты вообще представляешь, сколько стоит банка с подобной дрянью?

«Должны быть границы даже для Эгона, – подумал Бекстрём. – Мы же фактически живем вдвоем на одну обычную полицейскую зарплату».

– Хочешь кофе? – вздохнул Рогерссон, поднимаясь.

– Большую чашку с молоком и сахаром, – сказал Бекстрём. «Давно я не ел такой вкусной сырной лепешки».

После обеда Бекстрём с новыми силами принялся наводить порядок в делах и позаботился о том, чтобы его розыскная группа работала в правильном направлении. Потом неизвестно откуда появился коллега Олссон, сделал круг по комнате, стараясь останавливаться почти с каждым, кто попадался ему на пути, но, когда он приблизился к Бекстрёму, намереваясь украсть несколько минут его драгоценного времени, тот использовал трюк с телефоном – поднял трубку и хмыкал с серьезным видом, слушая длинные гудки с другого конца линии. И вдобавок махнул Олссону свободной рукой, показывая, что очень занят. На всякий случай положил даже на виду перед собой ручку и блокнот. Олссон вернулся в свою комнату, закрыв дверь за собой, и Бекстрём позвал к себе коллегу Сандберг, собираясь подробнее узнать о сексуальных контактах и предпочтениях жертвы, одновременно воспользовавшись шансом дать отдых своим усталым глазам.

– Сексуальная жизнь жертвы, Анна. У нас уже есть хоть какие-нибудь представления об этом? – спросил Бекстрём и кивнул инспектору. Сейчас он призвал на помощь тяжелый профессиональный кивок, какой обычно использовал, когда требовалось говорить о трудных вещах.

«А у дамы-то вроде бы все при себе», – подумал он.

– Кое-что нам уже известно, – ответила Анна туманно.

– Есть интересные факты? – продолжал расспрашивать Бекстрём. – То, что может помочь в расследовании, я имею в виду, – уточнил он. «Относительно трахания на рассвете на образовавшемся за ночь льду или что касается умения правильно держать язык во рту при выполнении тонких технических приемов».

Вплоть до начала весны у Линды был парень, с которым она встречалась в течение года. Бывший друг, несколькими годами старше ее, изучал экономику в университете Лунда. Сдав выпускные экзамены перед Рождеством, то есть семь месяцев назад, он сразу же получил работу в какой-то фирме в Стокгольме. Переехал туда, и довольно скоро его связь с Линдой прекратилась.

Не удалось узнать ничего негативного ни о нем самом, ни о его отношениях с Линдой, и в виде исключения на время убийства у него очень кстати оказалось алиби. Он гулял на празднике в Стокгольмских шхерах вместе со своей новой подругой и несколькими товарищами. И сам позвонил в полицию в Векшё, как только узнал о случившемся. А затем по собственной инициативе связался с полицией в Стокгольме, которая сейчас уже успела допросить его. Естественно, он был в шоке, но одновременно согласился сотрудничать даже в большей степени, чем от него могло потребоваться. Помимо всего прочего, добровольно предложил сдать пробу ДНК, чтобы полиция напрасно не тратила на него время.

– Очень любезный молодой человек, – констатировал Бекстрём. – Как он так быстро узнал, что Линду убили?

– Его мать, которая живет здесь в городе и знает семью Линды, позвонила ему вчера вечером, как только услышала страшную новость. Сын отдыхал в Сандхамне. Ты ведь знаешь, где это находится. Так вот она знает ту семью тоже и позвонила в дом в Сандхамн, если тебя интересует. Я сейчас разговаривала с допросившим его коллегой. Он убежден, что бывший парень Линды не имеет никакого отношения к делу. И все равно взял его ДНК и отправил прямо в криминалистическую лабораторию, – закончила Анна.

– Хорошо, – сказал Бекстрём. – Но в любом случае нам ведь надо подождать и посмотреть. Ты нашла каких-то еще ее парней? С кем она встречалась после того, как рассталась с экономистом?

– Никого, – сообщила Анна и покачала головой. – Мы пока разговаривали с тремя ее лучшими подругами и несколькими однокурсниками по полицейской школе. Родителей мы собирались допросить, когда они хотя бы немного придут в себя и будет смысл разговаривать с ними.

– Никаких случайных связей, никаких странностей, если мы говорим о ее сексуальных предпочтениях и тому подобном? – настаивал Бекстрём.

– Нет. – Анна решительно покачала головой. – Во всяком случае, никому из тех, с кем мы разговаривали, не известно ни о чем таком. Согласно всеобщему мнению, Линда была самой обычной девушкой. Обычные парни, обычный секс. Никаких странностей.

– Полгода без парня и даже никакой временной связи. – Бекстрём с сомнением покачал головой.

Насколько возможно такое? Молодая красивая девушка двадцати лет. Даже если она была очень худая, на его вкус.

– Подобное поведение наверняка более обычно, чем люди думают, – ответила Анна с таким видом, словно знала то, о чем говорит. – По-моему, девушка просто-напросто случайно столкнулась с каким-то сумасшедшим. Ничего более сложного, если ты спросишь мое мнение.

– Значит, так ты считаешь? – сказал Бекстрём, помедлив. – Разберемся, – добавил он неожиданно и улыбнулся ей. – Разберемся.

«У каждого в шкафу свой скелет».

Коллега Сандберг промолчала. Только кивнула и выглядела чутьочку удивленной.

«Сейчас тебе есть над чем поразмыслить, маленькая сучка», – подумал Бекстрём и проводил взглядом Сандберг, которая возвращалась на свое место.

– Никакого отдыха, никакого покоя, – ворчал Бекстрём. Он захватил с собой чашку кофе и забрал Кнутссона и Торена в пустую комнату, чтобы без помех обсудить с ними состояние дел.

– Расскажите старому человеку, – сказал Бекстрём, откинувшись на спинку стула и расправив плечи, – вы обнаружили что-нибудь интересное?

– Ты о месте преступления? – спросил Торен. – Там ведь, похоже, постоянно что-то находят.

– Речь не о нем, – сказал Бекстрём спокойным менторским тоном. – Я думаю обо всех других местах помимо него. На улицах, по которым жертва шла домой ночью. В окрестностях места преступления. Вдоль возможного пути бегства преступника. Или вообще в Векшё. Или в Швеции... Или в мире?

– Я понимаю твой образ мысли, – сказал Кнутссон. – Ты имеешь в виду...

– Кончай болтать, – перебил его Бекстрём, которого уже достали пустые разглагольствования. – Меня интересует все по полной программе, начиная с самой крошечной урны за пределами места преступления – мусорные баки, контейнеры, уличные колодцы, всякие закутки, заросшие травой и кустами пустыри и самые обычные пространства там вокруг. Плюс странные соседи, обычная шпана, любители подглядывать в чужие окна, эксгибиционисты, помешанные на сексе придурки и психопаты. А также все нормальные граждане, у кого могло снести крышу из-за аномальной жары, и так до бесконечности.

– В таком случае ничего найти не удалось, – констатировал Торен.

– Впрочем, поиски еще продолжаются, – возразил Кнутссон. – Я имею в виду, на встрече ты же выразился достаточно ясно. Поэтому люди стараются вовсю.

– Но пока ничего не нашли? – Бекстрём вопросительно посмотрел на коллег.

– Нет, – сказал Торен.

– Нет, – подтвердил Кнутссон и для убедительности мотнул своей круглой головой.

– Но ведь все равно довольно странно, что придурок, который оставил на месте преступления собственные панталоны, не говоря уже о сперме, следах крови и пальчиках, сиганул из окна из-за звука падающих в почтовый ящик газет и растаял как дым, стоило ему оказаться на улице, – подвел итог Бекстрём.

– Мистика какая-то, – констатировал Торен.

– Я сам думал об этом, – согласился Кнутссон. – Вряд ли ведь на нем были только трусы, когда он напал на жертву. Я шучу, конечно, – поспешил добавить он, увидев мину Бекстрёма.

– И не говори, – проворчал Бекстрём. – И не говори. Особенно принимая в расчет то, что он делал с ней в течение двух часов и чем занимался, когда убил ее. Поскольку тогда ведь он, похоже, стоял под душем и философствовал.

– Конечно, парень выглядит сумасшедшим, и даже через край. В этом я согласен, – сказал Торен.

– Но явно не таким идиотом, чтобы оставить какие-то следы вне места преступления, – заметил Бекстрём.

– Он, пожалуй, выздоровел, когда спустил пар, – ляпнул Кнутссон и ухмыльнулся.

– Вряд ли, – помотал головой Бекстрём. – Если я вижу кого-то, по внешнему виду напоминающего светлячка, двигающегося как светлячок и излучающего таинственный свет, кого я вижу тогда?

– Светлячка?

Торен вопросительно посмотрел на шефа.

– Отлично, парень, – сказал Бекстрём. – Ты не думал стать полицейским?

Вечером, прежде чем вернуться в отель, Бекстрём и Рогерссон заехали на место преступления – взглянуть на саму квартиру. Несколько представителей различных средств массовой

информации, естественно, болтались по соседству за ограждением и, судя по длине их телеобъективов, хорошо приготовились к любым сюрпризам со стороны полиции. Им пришлось ждать довольно долго, пока их пропустят, и Бекстрём все это время сидел за рулем с непроницаемой миной, пусть даже один из фотографов чуть не залез на капот их машины, прежде чем нашел подходящий ракурс. А потом они, наконец, смогли миновать все барьеры, и Бекстрём припарковал служебный автомобиль перед самым входом в здание, чтобы им не пришлось топтать лишние метры под прицелом фотоаппаратов.

– Чертовы стервятники, – ругнулся Рогерссон, как только они вошли в подъезд. – Странно, что они не притащили сюда полевую кухню.

– Сейчас ведь слишком жарко, – усмехнулся Бекстрём. – А вот мороженое не помешало бы.

Двое находившихся на месте экспертов устроили себе перерыв на кофе как раз перед их приходом, но, поскольку и Бекстрём, и Рогерссон отказались к ним присоединиться, они отставили в сторону свои чашки и предложили провести экскурсию.

– Хотите короткий или длинный тур? – спросил более молодой из них.

– Хватит и короткого, – сказал Бекстрём, надевая резиновые перчатки и не без труда, опираясь на стену, чтобы не потерять равновесие, натянул на обувь полиэтиленовые бахилы.

– Четыре комнаты и кухня, ванная, отдельный санузел плюс прихожая, где мы сейчас стоим. При общей площади восемьдесят два квадратных метра.

Старший из экспертов все показывал по ходу рассказа:

– Прямо перед вами гостиная. Она занимает примерно двадцать пять квадратов и находится в центре квартиры. Со стороны улицы расположены кухня и еще одна комната, которую мать жертвы использует как рабочий кабинет. Да, кстати, вы ведь получили план квартиры?

– Ну да, – подтвердил Бекстрём. – Мы ознакомились с ним, но совсем другое дело – увидеть все собственными глазами.

– Точно. И я того же мнения, – сказал старший из экспертов и улыбнулся.

– Со стороны двора, во-первых, спальня, где нашли убитую, вход в которую из гостиной, – продолжал он. – А стена к стене с ней – ванная комната с большой ванной, душевой кабинкой, туалетом и биде, и туда попадают через дверь с торца спальни. По другую сторону от ванной находится небольшая комната, которая матери заменяет кладовку. Там стоят гладильная доска и пара больших корзин для белья, помимо всякого другого хлама, и туда попадают через идущий вон там коридорчик. – Он показал в том направлении рукой. – И в нем находится встроенный в стену гардероб.

Не слишком шикарно и не очень бедно, размышлял Бекстрём, в то время как он и другие странствовали по квартире. Не особенно хорошо прибрано, но и чрезмерным хаосом не назовешь, если принять во внимание, что здесь поработали эксперты. Все выглядело так, как в его понятии и должно выглядеть жилище учительницы средних лет, типичной представительницы среднего класса. Одинокой женщины с двадцатилетней дочерью, которая вроде бы тоже жила здесь иногда.

Гостиная с большим диваном, с тремя съемными подушками, средняя из которых отсутствовала. Перед диваном маленький столик и два кресла. Небольшой старинный буфет у стены сбоку от дивана, но, поскольку здесь жила женщина, Бекстрём не испытал особого желания подробнее исследовать то, что хранится за его закрытыми дверцами.

Скорее всего, бокалы, салфетки и прочее дерьмо, подумал он.

Книжные полки вдоль стен, что выглядело в порядке вещей при мысли о профессии хозяйки квартиры, и, естественно, довольно большой телевизор, расположенный как раз в нужном месте относительно дивана. Небольшая хрустальная люстра на потолке, пара торшеров и три ковра на полу неизвестного Бекстрёму восточного происхождения. Музыкальный центр с

двумя колонками, размещенными на уровне груди посередине одной из книжных полок. Картины на стенах: пейзажи или портреты.

– Отсутствующую на диване подушку мы изъяли, – сообщил молодой эксперт. – А известные на всю страну трусы, о которых мы, по-видимому, скоро тоже сможем прочитать в вечерних газетах открытым текстом, а не под определением «предмет мужской одежды», лежали скомканные на полу под диваном.

«Красиво выражаешься. Побывал на курсах?» – ехидно подумал Бекстрём, но, поскольку ситуация не располагала к подобным вопросам, лишь хмыкнул в знак согласия, тогда как его товарищ и коллега остался верным себе и не проронил ни звука.

В спальне коллеги из технического отдела явно поработали от души. На широкой сосновой кровати отсутствовали как постельное белье, так и матрас и повсюду виднелись следы порошка для снятия отпечатков пальцев и разных химических жидкостей. Вдобавок от лежавшего на полу ковра был отрезан большой кусок.

– Именно там, похоже, главным образом все происходило, – сказал эксперт постарше. – Эпицентр событий, если угодно. То, что мы пока не отослали коллегам в государственную криминалистическую лабораторию в Линчёпинге, лежит у нас в отделе, если у вас есть желание взглянуть.

– Разберемся, – сказал Бекстрём и улыбнулся дружески. – Спасибо вам.

«Самое время выпить бокал-другой пивка», – подумал он.

Бекстрём и Рогерссон заказали себе ужин в номер Бекстрёма. Им хватило короткого взгляда на публику в обеденном зале отеля, и они поняли, что это худшее место во всем Векшё для таких, как они, обычных констеблей из Государственной комиссии по расследованию убийств, которые просто хотели перекусить в спокойной обстановке, выпить один-два бокала легкого пива и, пожалуй, добавить чего-нибудь покрепче.

– За нас! – сказал Рогерссон и поднял свою рюмку еще до того, как Бекстрём успел налить пива им обоим.

«Сейчас он, старый пьяница, выглядит значительно веселей», – подумал Бекстрём, но сам он был не из тех, кто стал бы ссориться из-за того, что они по-прежнему пили исключительно его шнапс.

– За нас, – поддержал Бекстрём.

«Наконец-то суббота», – подумал он и опрокинул в рот свою первую рюмку. «Я – счастливый человек», – констатировал он, когда почувствовал, как тепло разбегается по животу и становится спокойно на душе.

11

Векшё, воскресенье 6 июля

Комиссар Ян Левин никогда раньше не посещал Векшё по службе. Ему почти за двадцать лет работы в Государственной криминальной полиции в качестве специалиста по расследованию убийств пришлось побывать в большинстве шведских городов, среди которых были более крупные, столь же большие и в отдельных случаях поменьше, чем тот, куда теперь его занесла судьба, так что данный факт не имел никакого значения. Просто сейчас он оказался здесь.

«Наконец, в Векшё, – подумал Ян Левин и криво улыбнулся. – Из всех мест на земле».

Как только вводное совещание закончилось, он перекусил на скорую руку, а потом сел за свой письменный стол и постарался навести порядок в скопившихся на нем кипегах бумаг. Он просидел там почти двенадцать часов, всю субботу, а когда наконец оставил здание полиции на Сандьердсгатан, чтобы прогуляться до отеля, было уже за полночь, и наступило воскресенье. А горы бумаг на его столе стали еще больше, чем когда он занялся ими сразу после обеда.

В гостиничном коридоре, где жил он и другие командированные из Государственной криминальной полиции, царили тишина и покой. Левин осторожно ступал, чтобы не потревожить коллег, постоял немного перед номером Евы Сванстрём, размышляя, не стоит ли ему постучать тихонько и проверить, не бодрствует ли она и не пожелает ли составить ему компанию, но передумал. Не этой ночью, решил он. Время терпит, и ему еще не раз представится удобный случай.

Затем он прокрался в свою комнату, умылся в раковине, с помощью влажного полотенца освежил подмышки и промежность. Только самое необходимое и именно в таком порядке, хотя ему, пожалуй, более, чем что-то иное, требовалось встать под душ и просто позволить воде сбегать вниз по телу.

«Это оставим на утро, – решил он. – Не сейчас же в разгар ночи, когда другие уже спят».

Он лег в постель, и, как всегда в начале нового расследования, ему было трудно заснуть, а когда наконец удалось, сны просто измучили его. Подобное часто случалось с ним на пороге нового дела, а порой он просто чувствовал странное беспокойство и тоску, причины которых никогда полностью не понимал. Его сновидения имели отношение к реальным событиям, но всегда с различным смыслом и выражением. И так же как во многие другие похожие ночи, сейчас его сон был про то лето, в которое ему исполнилось семь лет и он получил свой первый настоящий велосипед. Огненно-рыжий «Крессент вэлиант».

Около шести утра Левин проснулся в третий раз и именно тогда принял решение. Он надел шорты, голубую футболку с коротким рукавом и эмблемой криминальной полиции на груди, натянул кроссовки, сунул в карман ключ-карточку от своего номера, взял в руку туристическую карту Векшё и быстро и неслышно двинулся к выходу из отеля.

«Лучше разобраться с этим теперь», – подумал он, стоя в ожидании лифта. Судя по тому, как выглядел его письменный стол, он наверняка еще не скоро смог бы посетить место преступления в служебное время, а между тем ему уже давно следовало там побывать.

На улице с бледно-голубого неба светило яркое солнце, и температура достигла уже почти двадцати градусов, хотя часы показывали только без четверти шесть. На площади Стура не было ни души, однако на ней уже успели навести порядок, и он не заметил ни одной пустой банки из-под пива и никаких других свидетельств бурной ночной жизни. Он остановился перед входом в ночной клуб и с помощью карты взял курс на дом Линды. Но сначала посмотрел на часы, чтобы узнать, как много времени у него уйдет на прогулку туда, а потом двинулся в путь, стараясь придерживаться того темпа, в котором, по его разумению, шла она, и, как он надеялся, тем же маршрутом, относительно которого у него все же имелись определенные сомнения.

Направление на северо-восток. Наискось через площадь Стура, мимо восточной стены губернаторской резиденции и по Крунубергсгатан прямо на север и пока исключительно в соответствии со свидетельскими показаниями охранника кабака.

Левин остановился, снова посмотрел на часы.

Самый быстрый путь домой. Разве она не сказала своей подруге, покидая отель, что отправляется к себе спать? На первом перекрестке он повернул направо и через сто метров оказался на Линнегатан.

Идеально. По Линнегатан прямо на север и еще почти через четыреста метров он снова повернул направо и достиг улицы Пера Лагерквиста. Там Левин остановился, чтобы сориентироваться и подвести итог своим наблюдениям.

Примерно шестьсот метров от городского отеля, приблизительно шесть минут ходу для молодой, хорошо тренированной и трезвой девушки, которая шла в ровном ритме по известному ей с детства району. Широкие, тихие центральные улицы, и только сумасшедший решился бы напасть на данном отрезке. Не говоря уже о том, что он находился в Векшё.

На самой улице Пера Лагерквиста условия для спокойной ночной прогулки, пожалуй, были еще лучше. Оставалось примерно семьсот метров до двери ее дома, и весь путь шел по широкой и прямой улице, где стояли небольшие трех- и четырехэтажные жилые дома. С чистыми фасадами и блестящими табличками с надписью «ХСБ», свидетельствовавшими о принадлежности к самой большой в Швеции жилищной организации, а значит, о проживании в них работающих представителей среднего класса, хорошо организованной жизни и приличных соседях. Никаких зарослей кустарников и узких проулков, где кто-то с дурными намерениями мог бы затаиться в ожидании невинной жертвы.

Жертва преступления, которое он расследовал, жила в самом конце улицы в доме, имевшем столь же опрятный вид, как и все другие, но без таблички «ХСБ», поскольку им владело маленькое частное жилищное товарищество, все члены которого обитали здесь же.

Значит, вот где это случилось, подумал Левин и остановился перед бело-синей оградительной лентой, все еще отделявшей от остального мира строение, в котором произошло страшное преступление. По всем параметрам это место никак не подходило для рядового убийства молодой женщины на сексуальной почве.

Есть только одно объяснение, подумал Левин, когда полчаса спустя вернулся к себе в отель. Там жила Линда. Именно поэтому убийца пришел туда. Пришел, чтобы встретиться с ней. Кто-то, кого она знала, кому доверяла, кого любила. Кто-то, похожий на нее.

Потом он разделся, пошел прямо в душ и пять минут простоял под струями воды. И впервые с момента их приезда в этот город почувствовал себя совершенно спокойным и готовым к выполнению той работы, которую предстояло сделать.

12

В половине седьмого утра в воскресенье (в то время как Ян Левин стоял под душем у себя в номере, получая заряд энергии от струек воды, стекавших по его телу) зазвонил служебный мобильный комиссара полиции Лена. Тот спросонок с трудом открыл глаза и долго шарил в поисках телефона, прежде чем ответил.

«Наверное, что-то случилось», – подумал он, бросив быстрый взгляд на стоявший на ночном столике будильник.

– Это Нюландер, – сказал голос на другом конце линии. – Надеюсь, я не разбудил тебя.

– Ничего страшного, – промямлил комиссар. – Ничего страшного. «Скорее всего, случилось нечто ужасное», – предположил он.

– Я решил проверить ситуацию, – сообщил Нюландер коротко. – Как там у вас дела?

– Все идет по плану, – ответил комиссар. «Откуда я сейчас могу это знать, – пришло ему в голову, – поскольку спал всю ночь». – Тебя интересует что-то особенное, Нюландер? – добавил он.

Ничего конкретного, если верить Нюландеру. Зато он как шеф Государственной криминальной полиции взвесил «стратегические перспективы» их совместного дела. И в результате у него появилось предложение относительно «оперативных мероприятий».

– И до чего же ты додумался? – спросил шеф деревенских шерифов.

«Стратегические перспективы, оперативные мероприятия? О чем он говорит?»

– На мой взгляд, у вас по улицам бегают настоящий псих, – начал Нюландер, – и, вероятно, довольно скоро он сможет придумать нечто похуже.

– Ты имеешь в виду нечто экстраординарное? – промямлил комиссар, после чего Нюландер описал ему несколько возможных вариантов развития событий из своего богатого опыта высокопоставленного руководителя, ответственного за работу всей полиции страны.

– Да, например, самурая из Мальмё, убившего и изувечившего нескольких соседей из квартала, где он жил. Младшего лейтенанта из Фалуна, застрелившего десяток человек, большинство из которых составляли молодые женщины. Да-а... что там у нас еще... – Главкримп сделал паузу, и комиссар полиции Лена подумал, что тот по привычке поглаживает свой подбородок. – Еще мужчина с шампуром, бегавший по перронам метро здесь в городе не так давно. Три трупа и полдюжины раненых, если мне память не изменяет. Опять же сумасшедший из Старого города, сбивший своим автомобилем сотню мирных пешеходов среди бела дня. И это только несколько примеров, – закончил Нюландер.

– Вот как, – сказал комиссар. «Боже праведный! Здесь у меня. В Векшё».

– Я уже пообщался с нашими аналитиками, – поведал Нюландер, – и они полностью со мной согласны. Мы говорим о серийном убийце, который, скорее всего, способен в ближайшее время убить снова или даже устроить резню. За час или за несколько часов уничтожит нескольких человек в самых разных местах. Будет ходить и сеять вокруг себя смерть, – объяснил Нюландер.

– У тебя есть какое-то предложение? – спросил комиссар.

У шефа Государственной криминальной полиции таких предложений было целых три, и все оперативного характера. Он вдобавок уже дал ход двум из них, а третье, можно сказать, ждало своего часа на низком старте.

– Я думаю, нам стоит обязать мою группу ППП обратить свой взор на вашего сумасшедшего уже сейчас. Кроме того, переправить все дело нашему подразделению ВИКЛАС¹. Приготовиться по полной программе, – прорычал Нюландер.

¹ ВИКЛАС (VICLAS, Violent Crime Linkage Analysis System) – система коррелирования насильственных преступлений,

– Группа ППП, ВИКЛАС, – повторил комиссар полиции лена. «Голову сломаешь со всеми этими сокращениями».

– Группа ППП – психологического портрета преступника – поможет нам более точно понять, кого мы ищем. А ВИКЛАС привяжет его ко всем похожим преступлениям, которые он мог совершить ранее, – коротко подвел итог Нюландер.

– Ты называл что-то третье, – напомнил комиссар.

– Точно, – сказал Нюландер. – Когда придет время его брать, мне кажется, лучше, если этим займется наше Национальное спецподразделение. Во избежание ненужного кровопролития. Я уже предупредил их. В обычном случае они могут прибыть на место в течение трех часов с момента получения приказа. Мы пытаемся сократить это время, и при условии, что летная погода будет такой, какой она держится все лето, по мнению их командира, можно управиться и за два часа. Мы уже повысили состояние готовности для трех ударных групп с синего до оранжевого.

– Боже праведный, – сказал комиссар.

«Боже праведный, – повторил он про себя. – И о каких цифрах идет речь, когда дело касается кровопролития».

Четверть часа спустя комиссар полиции лена, несмотря на ранний час, позвонил своему подчиненному, руководителю расследования комиссару Олссону и сообщил, что он и шеф Государственной криминальной полиции, посоветовавшись, совместно решили усилить работающую по делу команду экспертами из группы ППП и подразделения ВИКЛАС, а также при возможном задержании задействовать НС – Национальное спецподразделение. Олссон, как ни странно, по его словам, размышлял о том же самом и был двумя руками за.

– Я фактически подумывал позвонить и предложить это позднее сегодня и решил подождать, поскольку знаю, что ты наслаждаешься своим на сто процентов заслуженным отпуском.

Бекстрём пребывал не в лучшем настроении, он не выспался, и голова у него гудела с похмелья. Предыдущим вечером он и Рогерссон от души постарались компенсировать затянувшееся воздержание, вызванное служебной необходимостью. Бекстрём отрубился в своей постели около полуночи, утром проспал, на ходу проглотил завтрак и не успел перелистать утренние газеты. Кроме того, им пришлось остановиться около магазина и купить пастилки с ментолом и пару бутылок энергетического напитка, чтобы привести хоть в какой-то порядок свое дыхание и баланс жидкости в организме.

В довершение всего, когда они спешили по коридору на встречу с розыскной группой, на него напал придурак Олссон и принялся трещать о различных кризисных сценариях, коими он и комиссар полиции лена считали необходимым заняться, не подключая Бекстрёма.

– Что ты думаешь об этом, Бекстрём? – спросил Олссон. – О наших попытках связаться с твоими коллегами из подразделений ППП и ВИКЛАС?

– Звучит здорово, – сказал Бекстрём, хотя он вовсе не собирался тратить драгоценное время, выслушивая нравоучения своего главного босса Нюландера.

Потом он наконец приземлился на своем месте за столом в совещательной комнате. Конечно, без фляжки на шее, как у героя знаменитого романа Стриндберга, но с большой чашкой кофе с приличной порцией молока и сахара, а вся его розыскная группа уже была в сборе.

– Итак, – сказал Бекстрём, – начинаем.

Сначала инспектор Сандберг рассказала о камерах наружного наблюдения на пути жертвы, возвращавшейся домой. Та, что находилась у банкомата, где девушка ранее сняла

деньги, не дала ничего и, скорее всего, по той простой причине, что жертва оказалась вне зоны ее досягаемости, когда покинула городской отель.

– Эта камера перекрывает только тротуар и небольшой кусок проезжей части перед банкоматом, – объяснила Сандберг. – Зато мы нашли вариант получше, и заслуга здесь, прежде всего, принадлежит нашему шефу, – констатировала она, кивнув и улыбнувшись Бекстрёму.

– Я слушаю, – сказал он и улыбнулся в ответ.

Сандберг и ее коллеги отыскивали другую и гораздо лучшую камеру, на которую владелец некогда получил временное разрешение, так что она пока осталась у него. Эта камера находилась над прилавком в магазине, расположенном в начале улицы Пера Лагерквиста, всего в пятистах метрах от дома жертвы, и в ночное время контролировала также часть улицы перед бутиком. Без четырех три в пятницу ночью Линда Валлин попала в ее объектив, когда возвращалась домой. Зато она не зафиксировала больше ни одного человека в течение ближайшего получаса и никого, кто шел бы за жертвой.

– Магазины открыты до одиннадцати вечера. И в обычном случае камера перекрывает его входную дверь и кассы, но перед тем, как уйти домой около полуночи, владелец имеет привычку менять ее положение так, что она начинает контролировать происходящее снаружи. У него в свое время были проблемы с местной публикой. Они мочились на входную дверь и краской из баллончика делали на окнах расистские надписи. Хозяин бутика приехал из Ирана, – объяснила Сандберг.

– И мы абсолютно уверены, что это Линда? – спросил Бекстрём, посчитав необходимым уточнить столь маленькую, но очень важную для поисков преступника деталь.

– На сто процентов, – сказала Сандберг. – Я сама просмотрела видеозапись вместе с экспертами. Мы же в большинстве своем знаем... знали... ее.

Потом все покатилось в обычном эффективном ритме, к которому он привык, когда сам стоял у руля.

– Поквартирный обход и прочесывание местности, – продолжал Бекстрём. – Мы нашли что-то интересное со вчерашнего дня?

К сожалению, нет, если верить коллеге, отвечавшему за это дело. Во всяком случае, ничего, помимо обнаруженной ранее спермы и следов крови на подоконнике спальни, где произошло убийство.

– Тогда мы увеличиваем район поисков, – отчеканил Бекстрём. – Нас интересуют все странности, случившиеся в городе за интересующие нас сутки. По полной программе, включая все на свете – кражи со взломом, драки, угоны автомобилей, неправильные парковки, таинственные машины, события и люди. Подготовьте мне список до обеда.

«Чертовы лентяи, обо всем приходится заботиться самому!»

– Кто-нибудь сам дал знать о себе и рассказал что-нибудь интересное? – продолжил Бекстрём и посмотрел на коллегу Левина.

«Посмотрим, повезет ли тебе сейчас отделаться от малышки Сванстрём, похотливый черт», – подумал он.

– У нас сотни сигналов, – сообщил Левин. – Мы получали их по телефону, по электронной почте, они приходили даже в СМС некоторым сотрудникам нашей группы, чьи телефоны известны осведомителям. Пожалуй, в этом нет ничего странного, поскольку получавшие их коллеги обычно работают в сыске и в отделе по борьбе с наркотиками и у всех нас есть собственные агенты, которым мы даем номера наших мобильных. Если кто-то написал нам простые письма, они должны в лучшем случае прийти завтра. Так ведь сегодня обстоит дело с почтой.

– И как там все выглядит? – поинтересовался Бекстрём. – Есть что-нибудь горячее, чем следует сразу заняться?

По словам Левина, к сожалению, ничего подобного не было. Все традиционно. Вздвигавшиеся граждане с жалобами на падение нравов в обществе и на преступность вообще. Обычные всезнайки, жаждущие указать полицейским, как им правильно работать, и, скорее всего, почерпнувшие свои знания, сидя у телевизора и смотря детективные сериалы. Естественно, также несколько экстрасенсов, ясновидящих, пожелавших поделиться своими видениями, предсказаниями, предчувствиями.

– Ничего конкретного, ничего из того, во что стоило бы вцепиться зубами? – настаивал Бекстрём.

– Некоторые из них ужасно конкретны, – сказал Левин. – Но, к сожалению, они, похоже, просто что-то путают.

– Дай несколько примеров, – распорядился Бекстрём.

– Конечно.

Левин заглянул в свои бумаги.

– Ну, например, бывшая одноклассница Линды по гимназии. Она, по ее словам, на сто процентов уверена, что разговаривала с Линдой на концерте в Боргхольме в Эланде интересующим нас вечером. Там выступали какие-то «Юллене тидер» в рамках своего летнего турне.

– Боргхольм, – задумчиво произнес Бекстрём. – Он ведь находится по меньшей мере в ста пятидесяти километрах от Векшё?

– Проблема в том, что данное мероприятие состоялось в пятницу, а тогда наша жертва уже находилась в морге в Лунде, – вздохнул Левин. – То есть, похоже, свидетельница даже не читала вечерних газет. Потом у нас есть еще один, – продолжил он, перелистывая стопку бумаг перед собой. – Молодое местное дарование. Сам связался с коллегой из полиции правопорядка здесь в Векшё и рассказал, что рано утром в пятницу видел Линду в пятистах метрах слева от городского отеля, на Нора-Эспланаден в районе здания муниципалитета, если я все правильно понял.

– Что с ним тогда не так? – поинтересовался Бекстрём.

– Если не обращать внимания на прочие нестыковки, проблема с ним, – доложил Левин, – сводится к тому, что все якобы происходило около четырех утра и совсем в другой стороне относительно ее предполагаемого маршрута, опять же она якобы была в компании (это не мои слова, а свидетеля) с огромным негром.

– Тогда, мне кажется, я знаю, кого ты имеешь в виду, – неожиданно подал голос один из местных коллег с другого конца стола.

– Я уже все понял, когда читал выписку из его досье в регистре преступлений, – сказал Левин и улыбнулся.

– Ага, да, – сказал Бекстрём. – Вопросы? Мнения? Предложения?

«Ни одной разумной мысли, все сидят, словно воды в рот набрав», – подумал он, увидев, как коллеги вокруг стола в унисон качают головой.

– Тогда за дело, – заключил он и поднялся рывком. – Чего вы ждете? Нечего здесь сидеть и толочь воду в ступе. За работу! Самое позднее к обеду мне нужен тот, кто это сделал. Дайте мне подходящую кандидатуру, и я угощу вас тортом к кофе.

Все радостно заулыбались.

«Они как дети», – подумал Бекстрём, не собиравшийся ни при каких обстоятельствах тратить на угощение доставшиеся ему потом и кровью деньги.

Сам он запасся бумагой, ручкой и уединился в пустой комнате для допросов, намереваясь подумать в тишине и покое. И прежде всего включил красную электротабличку, предупреждавшую всех и каждого, что внутри полным ходом идет работа, потом закрыл за собой дверь и с шумом испортил воздух, тем самым осуществив то, на чем давно настаивал его организм и чего ему ценой огромных усилий удалось избежать в ходе встречи. Наконец один, подумал

Бекстрём и помахал рукой в попытке очистить атмосферу перед собой от одного из последствий бурно проведенного вечера.

Она пришла домой сразу после трех, решил он. Не похоже, чтобы кто-то ее преследовал или договорился о встрече с ней у нее в квартире. И все равно преступник потом сразу же появляется на сцене. И события почти мгновенно начинают развиваться по наихудшему сценарию с учетом того, как все выглядело на месте преступления. Неизвестный психопат сотворил свое черное дело в течение по меньшей мере полутора часов.

– Затем она умирает, вероятно, между половиной пятого и пятью, – продолжал он свои рассуждения.

А преступник идет в ванную, под душем «очиститься от скверны». А около пяти приносят газеты, и, вообразив, что кто-то собирается войти в квартиру, он натягивает на себя первое попавшееся из одежды и выпрыгивает в окно в спальне, когда на часах чуть больше пяти.

«И куда нас это привело?» – подумал Бекстрём. Бросил взгляд на свой наручный хронометр и занялся расчетами, взяв за исходную точку утро пятницы. Прошло почти двое с половиной суток с тех пор, как его подключили к делу.

«Наш сумасшедший уже может находиться на Луне в данный момент», – подумал он мрачно. Собрал все свои бумаги и решил вернуться к группе и попинать немного своих помощников.

Однако глупо заниматься этим на пустой желудок, подумал он, выходя в коридор. А поскольку из-за случившегося ресторан для персонала кормил сотрудников и в воскресенье, не стоило отказывать себе в удовольствии закинуть что-нибудь в желудок.

«Смоландские клеточки со свиной», – восторженно подумал Бекстрём, изучая меню. На том он и остановился. А закончил трапезу большой чашкой кофе с миндальным пирожным, в тишине и покое читая прихваченные из отеля вечерние газеты, которые еще не успел посмотреть.

«Ничего нового по делу, – подумал Бекстрём, потягивая горячий ароматный напиток. – Главным образом пустые измышления с целью поднять волну».

В одном из изданий муссировался новый вариант старого доброго полицейского следа.

Злодей, вероятно, был ненавидевшим полицию преступником, «питавшим необоснованную ненависть к жертве из-за ее работы», констатировал один из экспертов из числа тех, к кому обратились сотрудники газеты, имевшие привычку при каждом удобном случае интервьюировать самых известных мозгокрутов в округе.

«Наверняка, наверняка, – подумал Бекстрём, с аппетитом пережевывая кусок пирожного. – Пожалуй, кто-то из ее преподавателей из полицейской школы в Векшё. А наличие спермы ничего не значило в ее случае, поскольку это могло быть ложным следом. Если же верить конкурентам и их экспертам, все выглядело совсем иначе. Те считали, что речь идет о серийном убийце с маниакальной ненавистью к женщинам, и о чуть ли не ритуальном способе действия, с которым он совершал свои преступления. Похоже на коллегу Олссона. И на кой черт им все это?»

В описаниях, приведенных обоими конкурирующими изданиями, имелись, правда, и общие черты. Не особенно явные, но тем не менее. Еще один эксперт первой газеты, тоже подержавший полицейский след, не исключал, однако, что речь могла идти о серийном убийце особого типа, нацеленном именно на полицейских, но абсолютно равнодушном к другим, поскольку именно униформа разжигала в нем сексуальный аппетит. При виде формы его просто клинило, если верить газете.

Какой-то сумасшедший, вероятно, завел себе сайт в Сети, и к нему они все обращаются за духовной подпиткой, предположил Бекстрём. Он уже собирался отложить газеты в сторону, когда ему на глаза попала статья, заставившая его вздрогнуть.

В ней некий эксперт, доцент в области так называемой судебной психиатрии из психиатрической лечебницы Святого Зигфрида в Векшё, отвечая на заданные ему вопросы, пустился в пространное разглагольствование о следах пыток, которые полиция нашла на теле жертвы.

Ничего себе, подумал Бекстрём, он ведь явно смог увидеть те же самые фотографии, с которыми только облеченная особым доверием часть розыскной группы ознакомилась предыдущим вечером. Или кто-то из тех, кто видел их, описал ему все очень правильно и подробно.

Также этот доцент, имевший странный и специфический взгляд на розыскную работу, присоединился к тому, что в любом случае следовало рассматривать как главную версию. Они имели дело с серийным убийцей. При мысли о жестокости совершенного преступления он, скорее всего, и раньше уже отметил, чем-то подобным, а вероятность того, что он сделает это снова и в ближайшее время, была высокая, если не сказать стопроцентная.

Кроме того, речь не шла о «каком-то обычном сексуальном садисте с хорошо развитой фантазией», как, похоже, считали менее сведущие коллеги доцента из числа криминологов. И уже точно не о ком-то, кого возбуждали будущие полицейские женского пола в униформе или без нее. Автор утверждал, что дело касалось «серьезного психического отклонения» как раз сейчас чуть ли не «хаотически действующего» преступника. Вдобавок он был «молодым человеком с иммигрантскими корнями, который в детстве или на пороге юности пережил тяжелый стресс, связанный с насилием». Например, его самого пытали, или он стал жертвой грубого сексуального домогательства. На этом Бекстрём закончил чтение, быстро допил остатки кофе, сунул газету в карман и отправился на поиски собственного пресс-секретаря расследования.

– Ты видела эту статью? – спросил он, когда пять минут спустя вошел в ее комнату и протянул ей газету, раскрытую на нужной странице.

– Я понимаю, о чем ты думаешь, – сказала она. – Прочитала ее сегодня утром и отреагировала точно так же, как ты. Наша посуда здорово течет, – констатировала она, – и, если попытаться найти позитив в этом деле, нет ничего странного в том, что все попало именно к этому эксперту.

Тебе, конечно, известна лечебница Святого Зигфрида, – продолжала она. – Это крупная психиатрическая клиника здесь, в городе, и там находятся несколько самых трудных пациентов из числа тех, кто заслужил принудительное лечение. Наш друг доцент читает много лекций и в полицейской школе, и в этом здании. Не знаю даже, сколько раз я сама слушала его.

– Вот как, – сказал Бекстрём. – И он стоит того?

– Да, могу это утверждать, – сказала она. – По-моему, он часто попадает в точку.

– Пожалуй, надо поговорить с этим умником. Относительно молодого преступника-иностранца звучит не так глупо, – прикинул Бекстрём. – Кроме того, жертва испытывала сострадание к подобным типам. Пожалуй, столь сильное, что могла открыть и впустить его, если бы он позвонил в ее дверь.

Вернувшись в большую комнату, где работала группа розыска, Бекстрём с миной обзревающего свои войска полководца обвел присутствующих взглядом.

– Ну, – сказал он. – Чего вы ждете? Сейчас я поел и хотел бы иметь подходящую кандидатуру преступника.

Чтобы придать больше веса своим словам, он машинально похлопал себя по круглому животу.

– Ее ты можешь получить от меня. Я как раз закончил с первым списком нарушителей закона, – сообщил Кнутссон и помахал стопкой компьютерных распечаток.

– И он стоит того? – спросил Бекстрём, взял список и сел на свое место.

– В любом случае у меня хватает имен, – констатировал Кнутссон и расположился рядом с ним. – Целых семьдесят девять, точнее говоря, и мы успели пройти только по соседям в ее районе, тем, кто знал жертву, и местным дарованиям здесь в Векшё.

– Рассказывай, – скомандовал Бекстрём. – Дай мне кого-нибудь, в кого можно вцепиться зубами.

– Спокойствие, только спокойствие, – усмехнулся Кнутссон. – Я как раз подхожу к этому.

13

Сначала Кнутссон и его помощники прошлись по семье жертвы, ее друзьям и знакомым с целью узнать, не могут ли все находящиеся в распоряжении полиции досье рассказать что-либо интересное о ком-то из них. Ничего стоящего не нашлось, и это вряд ли кого-нибудь удивило. Ведь третья часть из тех, на кого охотники за убийцей сейчас обратили свой взор, были товарищами Линды по полицейской школе, а туда не берут людей с темными пятнами в биографии.

– Столь же безупречные, как и наша жертва, – констатировал Бекстрём и откинулся на спинку стула, сложив руки на животе.

– С точки зрения досье, по крайней мере, – подтвердил Кнуттсон.

– Поскольку мы скоро получим ДНК преступника, я хотел бы иметь ДНК и всей этой компании. Совершенно добровольно, чтобы быстро и просто исключить их из нашего расследования.

– Здесь вряд ли будут проблемы, – сказал Кнутссон.

– Да, уж точно, – согласился Бекстрём.

«Почему честные и чистые перед законом люди должны бояться сдать пробу ДНК?» – подумал он.

Вторая категория была, конечно, полной противоположностью первой, поскольку все, входившие в нее, ранее отметились в полицейском регистре. Кнутссон и другие коллеги с помощью своих компьютеров отобрали больше сотни любителей избивать женщин, уличных драчунов, насильников и других придурков с более разнообразным репертуаром, тем или иным образом связанных с Векшё и его окрестностями. Потом они исключили тех, кто уже сидел по тюрьмам или не мог быть причастен к убийству Линды по другим причинам. Осталось семьдесят человек, к которым стоило присмотреться пристальнее. Десятеро из них вызывали особый интерес, поскольку сейчас или ранее лечились в клинике Святого Зигфрида по причине грубого сексуального домогательства.

– Ага. Всем им надо засунуть ватку в рот и помочь доброму дяденьке полицейскому.

Бекстрём кивнул удовлетворенно.

Наконец, что-то начинает складываться, подумал он.

– Конечно, конечно, – вздохнул Кнутссон, и внезапно его настроение ухудшилось.

«Будем надеяться, что у нас уже частично есть их ДНК», – подумал он.

Оставались соседи по кварталу, общим числом почти тысяча человек, из которых едва ли половина либо сами дали о себе знать, либо оказались дома, когда полицейские совершали поквартирный обход. И притом что все происходило летом, в отпускной период, и в том районе проживали главным образом принадлежавшие к среднему классу люди пожилого или среднего возраста, шансы застать большинство из них в городе выглядели очень слабыми, а перспектива искать черт знает где не особенно радовала.

– Даже если они собираются все лето безвылазно сидеть по своим деревенским халупам и не имеют ни малейшего желания помогать нам, я все равно хочу, чтобы их всех поименно допросили, – сказал Бекстрём.

– С этим мы согласны, – сказал Кнутссон. – Но ты же не требуешь брать пробы ДНК и у них тоже?

– Не будет вреда попросить, – заметил Бекстрём и встрепенулся: – Сколько числится в регистрах, кстати?

– По-моему, я уже говорил. – Кнутссон скосился на свой список. – Семьдесят девять минус семьдесят мелкой шпаны... В группе соседей остается девять.

– И что они сделали тогда? – поинтересовался Бекстрём.

– Трое попадались за вождение в нетрезвом виде. Один из них вдобавок четырежды судим за это в течение двенадцати лет. Коллеги из Векшё описывают его как весельчака, а при мысли о том, что одному из них пятьдесят, одному пятьдесят семь, а самому весельчаку семьдесят...

Кнутссон вздохнул и пожал плечами в знак того, что все понятно без слов.

– Также у нас есть один, взятый с поличным на работе. Получил условный срок за растрату. Еще один, ударивший жену девять лет назад, его не застали при поквартирном обходе, по-видимому, отдыхает за городом, плюс неплательщик налогов и двое малолеток шестнадцати и восемнадцати лет. С ними все как всегда: украли по мелочовке, рисовали граффити, камнем разбили витрину, ссорились с другими сопляками.

Кнутссон снова вздохнул.

– Тот, который ударил жену? – спросил Бекстрём с любопытством.

– Вероятно, в деревне с той же супругой. Счастливая семья, по мнению соседей, с которыми разговаривали те, кто делал обход, – сообщил Кнутссон.

– Тогда он наверняка будет не против добровольно сдать анализ ДНК, – предположил Бекстрём. Счастливые люди обычно не возражают.

– Пожалуй, есть еще один, он меня самого немного интересует, – поведал Кнутссон. – Его зовут Мариан Гросс, и он родом из Польши. Ему сорок шесть лет, приехал сюда с родителями ребенком, они были политическими беженцами, имеет шведское гражданство с 1975 года. Прошлой зимой на него написали заявление с обвинениями в угрозах, сексуальном преследовании, да, приставании, как это называется, и всякой другой ерунде. Одинокий, детей не имеет, работает библиотекарем в университете здесь в городе.

– Подожди, Кнутссон. – Бекстрём замахал рукой. – Это же педик, неужели не понятно по описанию? Мариан. Кого еще так зовут? Библиотекарь, одинокий, без детей, – продолжил Бекстрём и оттопырил мизинец. – Достаточно поболтать с голубым, заявившим на него.

– Ты не поверишь, – сказал Кнутссон, – но заявительница – женщина, на пятнадцать лет моложе его, они работают вместе.

– Ничего себе! – удивился Бекстрём. – Другой библиотекарь. И что он сделал с ней тогда? Показал свою польскую колбасу на университетском рождественском празднике или?..

– Он отправил ей несколько анонимных писем по электронной почте, послания, которые лично я считаю достаточно непристойными. Обычная похабщина, но есть в них и что-то угрожающее.

Кнутссон покачал головой с неприязненной миной.

– Обычная похабщина? – Бекстрём с любопытством посмотрел на Кнутссона. – Ты не мог бы быть немного более... – Бекстрём многозначительно махнул правой рукой.

– Конечно. – Кнутссон глубоко вздохнул, словно собираясь с силами. – Вот несколько примеров. Во-первых, старый классический номер с резиновым членом, который прислали ей на работу. Самой большой модификации, черного цвета с приложенным анонимным письмом, в котором отправитель сообщает, что он точно повторяет его собственный.

– По-моему, ты говорил, что он поляк, – ухмыльнулся Бекстрём. – Наверное, парень просто дальтоник. Или член у него вот-вот отвалится.

Бекстрём расхохотался так, что его круглый живот запрыгал.

– Во-вторых, письма по электронке и обычной почте, где он рассказывает, что видел ее в городе и в библиотеке и выражает свое мнение по поводу ее нижнего белья. Этого хватит или продолжить? – Кнутссон вопросительно посмотрел на Бекстрёма.

– Судя по всему, самый обычный похабник, – сказал Бекстрём.

«И с чего вдруг малыш Кнолль внезапно продемонстрировал нежную сторону своей души, – подумал он. – Неужели тайком посетил нашего кризисного терапевта?»

– Но не из-за этого я, прежде всего, обратил на него внимание, – проворчал Кнутссон.

– И в чем же дело? – спросил Бекстрём. – Потому что он поляк?

– Он проживает в одном доме с жертвой, – сообщил Кнутссон. – В квартире прямо над ней, если я правильно понимаю.

– ДНК, – прорычал Бекстрём, выпрямился и нацелил пухлый указательный палец на Кнутссона. – Ты мог бы сказать об этом сразу. Отправь кого-нибудь, и возьмите у него пробу ДНК, а если не согласится добровольно, мы притащим его сюда.

«Наконец что-то начинает складываться», – подумал он.

Только в самом конце дня пришло обещанное предварительное заключение патологоанатома. Его прислали на факс технического отдела, а там оно легло на стол комиссара Энокссона из криминальной полиции Векшё, который в расследовании отвечал за работу экспертов. И, прочитав его, тот сразу же разыскал Бекстрёма, чтобы обсудить с ним содержание полученного документа.

– По мнению эскулапа, она умерла между тремя и семью утра. Задущена при помощи удавки, – сказал комиссар.

– Не надо носить белый халат, чтобы это понять, – усмехнулся Бекстрём. – Если ты спросишь меня, то скажу: она умерла между половиной пятого и самое позднее пятью, – добавил он. «Судебные медики в своем амплуа, чертovy трусy».

– Я солидарен с тобой относительно времени, – согласился Энокссон. – Что касается остального, то ее, похоже, изнасиловали два раза. Во-первых, генитально, а во-вторых, анально и, возможно, именно в таком порядке. Не исключено больше чем дважды. Во всех случаях преступник кончил, то есть получил удовлетворение.

– Патологоанатом сообщает что-нибудь такое, до чего мы не додумались сами? – спросил Бекстрём. – Следы от ударов ножом у нее... на спине снизу?..

«И не вздумай сказать «задницы», – подумал он. – Черт, куда я попал?»

– На порезы, пожалуй, не стоит обращать особого внимания, – возразил Энокссон. – Они скорее выглядят как следы уколов, даже пусть она и потеряла немного крови. Ну, он померил их для нас. Подобное ведь не наша епархия. Пересчитать их смогли и мы, тут я тоже с тобой согласен. Тринадцать уколов частично поднимаются по дуге к талии, а частично расположены на средней линии тела, и, вероятно, порядок их появления был слева направо.

– Я слушаю, – поторопил его Бекстрём.

– Нож с односторонней заточкой, наверняка тот, что мы нашли на месте преступления, глубина уколов между двумя и пятью миллиметрами, самый глубокий едва ли один сантиметр. Судя по ним, преступник, похоже, полностью контролировал свои действия, хотя жертва сопротивлялась, дергалась всем телом. Их глубина больше на правой стороне, чем на левой. Что же касается того, чем пострадавшую связали, кляпа у нее во рту и следов на теле, мы сможем вернуться ко всему этому, когда получим заключение из Государственной криминалистической лаборатории.

– У меня нет возражений, – кивнул Бекстрём. – А то, с чем нам помог дяденька доктор, мы ведь уже и так знали.

– Да, по большому счету. Но он с удовольствием придет сюда и поговорит с нами, если ты хочешь, – предложил эксперт. – Мне кажется, наверное, лучше всего, если он сделает это, когда я и коллеги тоже подготовимся и получим результаты всех проб. Возможно, у него есть что-то, о чем он захочет сообщить в устной беседе, когда мы увидимся. Чтобы у нас была полная картина. Как ты сам считаешь?

– Вполне разумно, – сказал Бекстрём. «И хорошо, если это произойдет до конца лета».

Затем Бекстрём отвел в сторону Анну Сандберг, чтобы узнать больше подробностей об убитой девушке, но главным образом с целью дать отдых своим уставшим глазам.

– Надеюсь, ты не считаешь меня занудой, Анна? – спросил Бекстрём и улыбнулся дружелюбно. – Но ты ведь наверняка столь же хорошо, как и я, понимаешь, что все касающееся личности жертвы стоит на первом месте при поиске преступника.

«Ой-ля-ля, – подумал он, – на какие только уловки не приходится пускаться, чтобы заглянуть в декольте».

– По мне, ты вовсе не зануда, – ответила Анна. – Более того, меня очень радует, когда я слышу, что ты говоришь. Слишком многие коллеги здесь у нас не принимают жертву всерьез. Она внимательно посмотрела на него.

«Приятно слышать, что есть нормальные коллеги даже в Векшё», – подумал Бекстрём, но именно этого он говорить не собирался.

– Точно, – кивнул Бекстрём. – Насколько я понял, ты разговаривала с ее отцом? Отцом Линды?

– Мне, пожалуй, особо и не о чем рассказывать, – призналась она. – Я общалась с ним, когда мы приехали к нему домой, чтобы сообщить о случившемся. Разговор вел главным образом мой пожилой коллега. Он был священником, прежде чем пополнил наши ряды, и работает в отделении участковых полицейских здесь в городе уже много лет. Он незаменим как раз в таких случаях. Просто в дрожь бросает, когда думаешь об этом. Его чуть удар не хватил, отца то есть. Хорошо еще, мы предварительно вызвали туда врача.

– Ужасно, – вздохнул Бекстрём. «Опять у нее глаза на мокром месте, надо поторопить события, пока она не разрыдалась. Все бабы одинаковы. Бабы, священники, участковые полицейские... Только и умеют болтать языком». – Я знаю, что она прописана в доме отца, – сказал он. – Поэтому, полагаю, у нее имелась собственная комната.

– О да, – ответила Анна. – Там же огромный дом, целая усадьба. Просто фантастическое место.

– Осматривая ее комнату в дома отца, вы нашли что-нибудь интересное? Я имею в виду дневники, личные записи, календари и все такое прочее, старые письма, фотографии, видеофильмы с различных семейных мероприятий. Ну, ты же понимаешь, что я имею в виду.

– У нас не хватило времени для этого. Мы вошли только в прихожую, а потом сразу уехали оттуда. На отца было страшно смотреть. Хотя ее еженедельник нам удалось добыть. Он лежал у нее в сумочке, в той, которая находилась при ней в пятницу.

– Вы обнаружили что-то интересное? – спросил Бекстрём.

– Нет, – ответила Анна и покачала головой. – Ничего выдающегося. Встречи, лекции в полицейской школе, друзья, с кем она встречалась. Все самое обычное. Если есть желание, ты можешь на него взглянуть.

– Мы вернемся к этому позднее, – сказал Бекстрём. – Но потом... что случилось потом?

– Ничего особенного, – констатировала Анна. – Я обсудила данный вопрос уже в пятницу с Бенгтом, да, с комиссаром Олссоном, но отец Линды уже уехал оттуда с врачом и несколькими друзьями семьи, и Бенгт счел, что надо подождать с этим делом. Оставить его в покое с расспросами о случившемся. Потом, насколько я знаю, коллеги из технического отдела напоминали об этом.

– То есть вы все еще не осмотрели ее комнату в доме отца?

– Нет, насколько мне известно, – сказала Анна и покачала головой. – Экспертам хватало работы на месте преступления. Но я понимаю, о чем ты говоришь.

– Завтра же поговорю об этом с Олссоном, – сказал Бекстрём.

«Куда, черт побери, я попал. Не пройдет и суток, как Олссон получит свое».

Рогерссон сидел за закрытой дверью в наушниках перед магнитофоном, стоявшим перед ним на столе, когда Бекстрём вошел в его комнату.

– Чем могу помочь комиссару? – спросил Рогерссон. Он снял наушники и кивнул с грустной миной, выключая магнитофон.

– Поехали со мной в отель. Зависнем у меня в номере, перекусим и выпьем пивка, – предложил Бекстрём.

– По-моему, я занес себе какую заразу в ушные каналы, всю вторую половину дня и полвечера слушая бессмысленные допросы, – посетовал Рогерссон. – А потом пришел коллега Бекстрём, и его слова стали для меня прекрасной музыкой.

– Наплюй на это сейчас, поехали, – поторопил Бекстрём.

«Постепенно превращаешься в сентиментального идиота.

Без алкоголя не обойтись», – подумал он.

– А-ах. – Рогерссон глубоко вздохнул от удовольствия и вытер пену с уголков рта левой рукой. – Тот, кто придумал пиво, достоин всех Нобелевских премий, какие только существуют. Начиная с той, что дается за вклад в дело мира, и кончая вручаемой за достижения в литературе. Он должен получить все без исключения.

– Эта мысль не тебе одному приходила в голову, – сказал Бекстрём, – и лучше холодного легкого пива лишь оно само, только на халяву. Поэтому в финансовом плане он, наверное, все уже получил, если вспомнить все выпитое тобой, мой жадный друг.

Рогерссон пропустил упрек мимо ушей. Однако он внезапно поменял тему.

– Тот поляк, которого Кнутссон пытается подсунуть нам... – сказал он и покачал головой.

– Мы собираемся допросить его снова и взять у него образец ДНК завтра рано утром, – сообщил Бекстрём.

– Я на его стороне, – поведал Рогерссон. – Мне кажется, он не тот человек, которого мы ищем.

– Вот как, – сказал Бекстрём. – И почему же?

– Я прочитал протоколы допросов и почтальона, и поляка. А также поговорил с коллегой Саломонсоном, расследовавшим то дело о сексуальном преследовании. На мой взгляд, парень вполне нормальный, – сообщил Рогерссон. – Поляк, похоже, совсем не наш человек, – добавил он и в знак подтверждения своих слов сделал приличный глоток пива.

По мнению Рогерссона, существовали три серьезные причины, говорившие против версии, что сосед Линды Мариан Гросс убил ее. Во-первых, материалы допроса почтальона, который каждое утро в одно и то же время раскладывал утренние газеты в почтовые ящики всех, кто жил в доме и заплатил за их получение.

– Сосед ведь должен был понять, что принесли прессу, а не кто-либо пришел домой, – сказал Рогерссон. – У него даже та же самая подборка подписных изданий, как и у матери жертвы. «Смоландспостен» и «Свенска дагбладет».

– Пожалуй, он обычно спит, когда приносят газеты, – возразил Бекстрём.

Вторая причина обнаруживалась в материалах опроса, который полицейские провели с Гроссом, когда совершали поквартирный обход во вторую половину дня в пятницу, и тогда Гросс сообщил, что ранее на той же неделе он разговаривал с матерью Линды и она рассказала ему о своих планах пожить в деревне, в то время как дочь будет жить в ее квартире.

– Это говорит скорее против него, – заметил Бекстрём. – Он знал, что горизонт чист.

– Зачем ему понадобилось бы тогда уходить через окно, – пояснил Рогерссон. – Разве не проще было бы выйти традиционно, через дверь, и подняться в свою квартиру по лестнице или на лифте?

– Но с наружной стороны двери ведь кое-кто стоял, верно, – парировал Бекстрём.

– Почтальон, да, – сказал Рогерссон с нажимом. – Но требовалось ведь просто дождаться, когда он уйдет.

Бекстрём ограничился кивком.

Третья причина касалась физических кондиций Гросса в связи с выбором преступником пути для бегства. Согласно данным экспертов, подоконник находился над газоном на высоте почти четыре метра. Сам Гросс имел рост метр семьдесят при весе в целых девяносто килограммов. К тому же он не отличался гибкостью и хорошей физической подготовкой.

– Если верить Саломонсону, он нескладный толстяк-коротышка и чертовки неприятен. Вдобавок коллега утверждает, что у него нулевая выносливость. Пыхтит, как паровоз, преодолев пол-лестницы, – констатировал Рогерссон. – Поэтому он разбился бы, выбери данный путь. Сумей он даже забраться на подоконник.

«Маленький жирный черт», – подумал Бекстрём, который сам был немногим выше и худобой тоже не отличался. Преступника он представлял себе более спортивного телосложения.

«Здесь что-то есть», – подумал он и вслух добавил:

– Пожалуй, к твоим выводам стоит прислушаться. Но если у него взять анализ ДНК, хуже ведь не будет?

– Удачи вам, – сказал Рогерссон. – Насколько я понял, Гросс ужасно тяжелая личность.

14

Векшё, понедельник 7 июля

«Четвертый день, и еще ни одного кандидата в преступники, – думал Бекстрём, занимая свое место за столом в совещательной комнате. Вдобавок комиссар Олссон явно решил поиграть в руководителя расследования и принялся размахивать флагом. – Пока остается только констатировать, что на данный момент мы не продвинулись ни на шаг вперед. Олссон болтает без умолку, дело стоит на месте, а время уходит». Он попытался не обращать внимания на трескотню коллеги, сделав вид, будто читает свои бумаги.

Сначала было принято решение закончить поиски улик вокруг места преступления, вдоль маршрута следования жертвы домой и там, где проходил возможный путь бегства преступника. Работа в тех местах кипела уже три дня, и, если не удалось обнаружить ничего стоящего, вряд ли следовало ожидать каких-либо ценных находок в будущем.

– Тогда, я полагаю, нам лучше сконцентрировать наши ресурсы в другом направлении, – сказал Олссон и в качестве награды получил множество довольных кивков.

«Например, провести маленький обыск дома у ее папашки», – подумал Бекстрём, но этого не сказал, поскольку собирался обсудить это лично с Олссоном.

– Поэтому я хотел бы от всей души поблагодарить тех коллег, которые занимались этим делом, – продолжал Олссон. – Вы проделали просто фантастическую работу.

«А результат нулевой, – мысленно заключил Бекстрём. – Хотя сам я нашел камеру, которую другие слепцы пропустили».

Поквартирный обход тоже подошел к завершающей фазе. Тем, кого не удалось застать дома, повестки опустили в почтовые ящики, а наиболее перспективных для следствия соседей (хотя как таких отличишь) предстояло в случае необходимости отыскать в их летних домишках.

– И это тоже хорошо с той точки зрения, что мы высвобождаем еще нескольких коллег, которые больше пригодятся на другом направлении, – констатировал довольный комиссар Олссон.

«Например, для маленького обыска дома у ее папочки», – повторил про себя Бекстрём, по-прежнему не собираясь ничего говорить.

Потом пришло время обратиться к базовому капиталу расследования, состоявшему из находок на месте преступления и данных, полученных со станции судебной медицины в Лунде.

– Мы предпринимаем все возможное, – сказал Энокссон. – Но вы должны набраться терпения еще на пару дней. Мы ожидаем ответы на массу проб, но затем мы с коллегами, будьте уверены, вернем вам все с лихвой. Пока же вы можете довольствоваться тем, что напечатано в вечерних газетах, хотя я сам, конечно, поостерегся бы, – добавил он неожиданно.

«Ай-ай-ай, – подумал Бекстрём, – ничего себе. Энокссон немного не в духе».

Олссон, казалось, не заметил комментария эксперта и вопреки всему явно не собирался менять тему.

– Если я все правильно понял, – сказал он, – ее, значит, задушили, а ранее изнасиловали по крайней мере дважды, и она умерла примерно около пяти.

– Да, – подтвердил Энокссон. – Она умерла между половиной пятого и пятью.

«Хороший парень, стой на своем, – мысленно поддержал его Бекстрём. – Такому дай мизинец, так он оттяпает всю руку».

– А признаки ритуального характера преступления... раны, напоминающие следы пыток... точнее говоря, то, что он связал ее, вставил ей в рот кляп и нанес множество ударов ножом. Как далеко вы продвинулись здесь?

– Относительно ударов это сильно сказано, – возразил Энокссон. – Скорее он колот ее.

– Если я правильно понял, – повторился Олссон, – то речь идет о тринадцати ударах. Или уколах, если тебе так больше нравится.

– Да. Тринадцати, и, по-моему, мы вряд ли что-то упустили. Она потеряла немного крови, когда он колот ее, пусть раны и не особенно глубокие, а значит, тогда еще была жива и сопротивлялась, и в этом ведь, наверное, сама суть, – констатировал Энокссон неожиданно с несколько усталым видом.

– Тринадцать ударов, – произнес Олссон таким тоном, словно внезапно увидел свет в конце туннеля. – Это же, наверное, не случайно?

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду, – ответил Энокссон, хотя, судя по выражению его лица, он давно догадался, куда клонит руководитель расследования.

– Почему именно столько, – настаивал Олссон. – Тринадцать – символическое число. Если ты спросишь меня, то скажу: их не случайно именно столько. Я уверен, преступник хотел оставить нам какое-то послание.

– А я считаю, что их чисто случайно тринадцать, а не десять, или двенадцать, или двадцать, – отрезал Энокссон.

– Мы подумаем над этим, – сказал Олссон таким довольным тоном, каким обычно говорят люди, которые уже подумали обо всем и знают ответ.

Ну, хватит, решил Бекстрём. Он кивнул дружелюбно и хмыкнул довольно громко, чтобы привлечь всеобщее внимание.

– Я согласен с тобой, Бенгт, – сказал он и сердечно улыбнулся Олссону. – Дата ее убийства также наверняка выбрана не случайно, но я дошел до этого, только когда вспомнил отлично сделанное Анной жизнеописание жертвы, где указано, что та, будучи ребенком, несколько лет прожила в США. Я имею в виду четвертое июля. Вряд ли ведь это случайно?

– Сейчас я не совсем понимаю, – растерянно произнес Олссон.

В отличие от остальных, если судить по тому, как все они наострили уши и вытянули шеи, подумал Бекстрём.

Пора, решил он.

– День независимости США, – сказал Бекстрём и кивнул рьяно. – А вы не думаете, что за всем этим стоит парень из Аль-Каиды?

«Конечно, не все улыбаются, и тех, кто смущенно опустил глаза, даже больше, но моя шутка все равно попала в цель», – подумал он.

– Я понял твой намек, Бекстрём, – сказал Олссон с натянутой улыбкой. – Но давайте пойдем дальше. Как я слышал, в наши сети попала одна крайне интересная личность, – продолжил он и повернулся к Кнутссону.

Крысы собираются поменять судно, усмехнулся про себя Бекстрём и посмотрел в том же направлении, но Кнутссону внезапно понадобилось что-то найти в бумагах.

– Да, – подтвердил он. – Это сосед жертвы, поляк Мариан Гросс, он ведь уже известен многим из вас.

«Точно, и почему тогда, интересно, вы не разобрались с ним еще в пятницу, ведь тогда он не свалился бы на мою шею, – подумал Бекстрём. – А все потому, что делавшие для вас квартирный обход коллеги из службы правопорядка не знали, кто он такой. К тому же детективу, беседовавшему с ним совсем недавно зимой, и в голову не пришло, что он живет в одном доме с жертвой, пока не появился возмутитель спокойствия Кноль из Стокгольма, из Государственной комиссии по расследованию убийств, и не принялся размахивать перед его носом материалами собственного мини-расследования».

Затем состоялся долгий разговор об уже известном сексуальном отклонении в поведении поляка, соседа жертвы, и о том, можно ли рассматривать его как подозреваемого, причем в качестве не просто возможной, а вполне реальной кандидатуры. Дискуссия продолжалась четверть часа и быстро надоела Бекстрёму, он попытался переключить мысли на что-то другое

и, когда Олссон внезапно обратился непосредственно к нему, даже не сразу сообразил, о чем идет речь.

– Или как ты считаешь? – спросил Олссон.

Наверняка дело касается поляка, подумал Бекстрём, не помедлив с ответом.

– Я полагаю, мы поступим следующим образом, – сказал он. – Поедем к нему домой и допросим этого идиота. А также постараемся взять у него пробу ДНК.

– Боюсь, с этим у нас могут возникнуть проблемы, – возразил сидевший недалеко от него Саломонсон. – Да, кстати, это я вел его дело о сексуальном преследовании, если кому-то из присутствующих интересно. Гросс исключительно тяжелый человек.

«В худшем случае мы можем забрать его к нам, – подумал Бекстрём. – Наденем на него наручники и проведем через главный вход, пусть журналисты немного пофотографируют».

И Олссон, казалось, прочитал его мысли.

– Как ответственный за данное расследование я в таком случае уже сейчас принимаю решение, что его надо доставить сюда на допрос, – сказал он и приосанился. – Без предварительного уведомления, согласно главе двадцать три семь процессуального кодекса, – уточнил он с довольной миной.

«Флаг тебе в руки, парень», – подумал Бекстрём и одновременно кивнул в знак согласия, подобно всем другим в комнате, за исключением Рогерссона, который не поддался общему порыву.

После встречи Бекстрём поймал Олссона, прежде чем тот успел смыться к себе в кабинет и закрыть за собой дверь.

– У тебя есть минута? – спросил он с дружелюбной улыбкой.

– Моя дверь всегда открыта для тебя, Бекстрём, – заверил его Олссон столь же дружелюбным тоном.

– Обыск в ее комнате дома у отца, – сказал Бекстрём. – Ведь именно там она главным образом жила. Самое время для этого.

Олссон сейчас выглядел крайне обеспокоенным и вовсе не таким целеустремленным, как к концу встречи. Отец жертвы очень плохо себя чувствовал. Несколько лет назад он перенес инфаркт и был близок к смерти. Его единственная дочь к тому же покинула его крайне трагическим образом, и, как только он включал телевизор, радиоприемник или брал в руки газету, ему сразу же в ужасно бесцеремонной манере напоминали об обрушившемся на него несчастье. Вдобавок представлялось просто невероятным, чтобы он мог иметь какое-то отношение к ее смерти. Он, например, добровольно оставил свои отпечатки пальцев для сравнения, когда пришел в полицию.

– Я также не верю, что он убил дочь, – согласился Бекстрём, чьи мысли уже устремились в другое русло.

Столь же маловероятно, как и версия с чертовым поляком, подумал он, но не об этом ведь сейчас шла речь.

– Тогда, я полагаю, мы все обсудили, – констатировал Олссон. – Я предлагаю подождать еще несколько дней, чтобы отец Линды смог прийти в норму. Я имею в виду, если нам повезло с поляком Гроссом, надо надеяться, все закончится, как только мы получим ответ на его пробу ДНК.

– Тебе решать, – сказал Бекстрём и ушел.

После обеда Бекстрём получил новый список нарушителей закона от Кнутссона, которого, судя по его виду, мучили угрызения совести.

– Насколько я понял из разговора с Рогерссоном, ты не веришь в версию с поляком, – проямлил он упавшим голосом.

– Что тебе тогда сказал Рогге? – спросил Бекстрём.

– Ну, ты же знаешь его, когда он в таком настроении.

– Что он сказал? – повторил свой вопрос Бекстрём и с любопытством посмотрел на Кнутссона. – Пр процитируй его слова напрямую.

– Предложил мне засунуть Гросса... да... себе в задницу, – сообщил Кнутссон, запинаясь.

– Резко сказано, – заметил Бекстрём.

Хотя подобное еще цветочки, когда дело касается Рогге, подумал он, вспомнив, какие перлы тот выдавал, находясь в дурном настроении.

– Если тебя это интересует, у меня готов список с нашим уловом из регистров, последняя версия, – промямлил Кнутссон, явно пытаясь поменять тему.

– Моя дверь всегда открыта, – сказал Бекстрём и откинулся на спинку стула.

По оценке Кнутссона, работа значительно продвинулась после их вчерашнего разговора на ту же тему. Ему и его коллегам, помимо всего прочего, удалось отсеять почти два десятка из наиболее вероятных и склонных к насилию нарушителей закона в Векшё и его окрестностях. Еще у десятка из них вдобавок уже брали образец ДНК в связи с другими ранее совершенными преступлениями, и, как только Государственная криминалистическая лаборатория даст о себе знать, можно будет приступить к сравнениям.

– Звучит обнадеживающе, – сказал Бекстрём. – Постарайтесь взять пробу ДНК у всех остальных как можно быстрее.

– С этим тоже есть маленькая проблема, – сообщил Кнутссон.

– Я слушаю, – сказал Бекстрём.

Посоветовавшись, он, Торен и другие, занимавшиеся тем же делом, решили расширить список возможных кандидатов на роль убийцы.

– Очень много квартирных воров орудует в это время года, особенно когда люди уезжают в отпуска, – объяснил Кнутссон. – И мы включили в данную группу самых старательных из них, независимо от того, совершали они раньше насильственные преступления или нет.

– И сколько тогда их у вас сейчас? Тысяча? – спросил Бекстрём с радостной миной.

– В сущности, не все так плохо, – поспешил уточнить Кнутссон. – На данный момент в списке восемьдесят два ранее осужденных преступника, отметившиеся на данном поприще.

– Взять образцы ДНК, взять образцы ДНК, взять образцы ДНК! – запричитал Бекстрём и взмахом руки предложил Кнутссону убраться и заняться делом.

«Чистый идиот, – подумал он. – К тому же ненадежный, стал бегать к этому придурку Олссону вместо того, чтобы поговорить со своим настоящим шефом».

После обеда представитель подразделения ВИКЛАС Государственной криминальной полиции связался с Бекстрёмом по телефону, чтобы сообщить о своих открытиях.

– У меня сейчас хватает дел, поэтому лучше ограничиться сокращенным вариантом, – предупредил Бекстрём, который знал стокгольмского коллегу и считал его занудным сверх всякой меры.

Специалисты ВИКЛАС искали серийных злодеев, пытаясь связать новые преступления со старыми, и лучше с такими, где уже все знали имя преступника. Сначала там ввели в компьютер известные сведения об убийстве Линды, а потом попытались привязать его к прежним делам и душегубам, уже находившимся в базе данных подразделения.

– У нас есть одно попадание в случае с известным преступником, – гордо сообщил коллега. – Твое дело ужасно похоже на то, за которое он сидит. Не просто плохой парень, да будет тебе известно, Бекстрём. Хуже, чем он, в компании ему подобных трудно найти.

– И кто же он тогда? – поинтересовался Бекстрём. «Говоришь так, словно речь идет о тебе».

– Чокнутый поляк, убивший девушку-косметолога в Хёгдалене. Убийство Татьяны. Так звали жертву. Помнишь, наверное? Лешек, Лешек Баранский. Он обычно называл себя Лео. И еще изнасиловал массу баб до нее. По-настоящему жестокий тип, – объяснил коллега. – Обычно действовал по полной программе со связыванием, кляпом во рту, и пытками, и актами насилия, и удушением. Он фактически несколько раз душил одну и ту же жертву. Обычно сдавливал им горло немного, пока они не теряли сознание, а потом приводил в чувство при помощи уколов острыми предметами, так чтобы начать все сначала. В общем, милый парень, – добавил коллега, которого просто распирало от энтузиазма.

– Но подожди-ка, – остановил его Бекстрём, внезапно вспомнив, о ком идет речь. – Разве его не отправили за решетку до конца дней?

«Неужели такой псих уже на свободе и как ни в чем не бывало ходит по улицам?» – подумал он.

– Сначала этот тип получил пожизненное в суде первой инстанции. Потом обжаловал приговор в апелляционном суде, и его отправили в психиатрическую лечебницу закрытого типа, откуда могли выписать только по результатам так называемого особого освидетельствования. И насколько нам известно, он все еще сидит в дурке, хотя прошло уже шесть лет, как его осудили. Наверное, это новый рекорд для наших больниц.

– И зачем ты тогда звонишь? – спросил Бекстрём. «У нас уже закрыта квота на поляков», – подумал он.

– Ах да, я же забыл главное, – сказал коллега. – Он в лечебнице Святого Зигфрида в Векшё, должен там находиться, во всяком случае. Ты же ведь в курсе, как у нас обстоит дело с психушками. Мозгоправам могло прийти в голову, что ему надо прогуляться на свежем воздухе и загореть немного, а потом они забыли уведомить нас об этом.

– Он мог получить увольнительную, ты имеешь в виду? – спросил Бекстрём. – Нет, немыслимо, даже чертовы врачеватели душ не настолько глупы.

– Понятия не имею, – ответил коллега. – Позвони им и спроси, откуда мне знать. Я отправляю факсом все данные на него.

– Спасибо, – сказал Бекстрём и положил трубку. – Правильный человек в правильном месте! И тому чудаку, с которым я сейчас разговаривал, наверняка придется работать бесплатно, если приспичит. Чем, черт возьми, они, собственно, занимаются в наших рядах сейчас?

Бекстрём, пыхтя, поднялся со своего места и подошел к факсу.

– Неужели так дьявольски повезло, что я получил преступника и, кроме того, возможность наехать на всю систему принудительного психиатрического лечения?

Полицейские получили удовольствие пообщаться с первым поляком расследования, лицензиатом философии и библиотекарем Марианом Гроссом, уже утром того же дня. Через прорезь для почты в запертой двери своей квартиры он сообщил инспектору фон Эссену и его коллеге Адольфссону из полиции в Векшё, что занят весь день и что его можно будет поймать по телефону только завтра. Поскольку ни фон Эссен, ни Адольфссон не были настроены шутить, во всяком случае в связи с их делом и в данном доме, Адольфссон, разразившись потоком брани, предложил Гроссу открывать подобру-поздорову, если он не хочет, чтобы дверь рухнула ему на голову, а затем пнул ее, проверяя, понадобится ли спускаться к служебному автомобилю и приносить лежавшую в багажнике кувалду. По причине, которая так и осталась не выясненной до конца (поскольку показания всех участников разговора сильно разнились в связи с заявлением, достаточно быстро попавшим в отдел внутренних расследований), библиотекарь сразу же открыл.

– Ты ведь Гросс, – сказал Адольфссон и широко улыбнулся владельцу квартиры. – Ну как, пойдешь сам или хочешь, чтобы тебя тащили силой?

Четверть часа спустя фон Эссен и Адольфссон препроводили Гросса в помещение розыскной группы. Библиотекарь шел сам, был без наручников, и его скрытно провели внутрь через гараж здания.

– Доставлен поляк согласно приказу, – доложил Адольфссон, передавая подозреваемого Саломонсону и Рогерссону для допроса.

– Я слышал, что ты сказал, – заорал Гросс с пунцовым лицом. Правда, лицо было у него таким в течение всего путешествия, но до сих пор он не произнес ни звука. – Я напишу на вас заявление о незаконной дискриминации, чертовы фашисты, – продолжил он в той же манере.

– Если доктор Гросс будет так любезен и проследует за мной и моим коллегой, то мы сразу же разберемся с нашими делами, – сказал Саломонсон и вежливым жестом указал в направлении комнаты для допросов.

Допрос соседа жертвы убийства начался сразу же после одиннадцати утра. И в роли его руководителя выступил инспектор Нильс Саломонсон из криминальной полиции Векшё, в то время как ему в качестве свидетеля ассистировал инспектор Ян Рогерссон из Государственной комиссии по расследованию убийств из Стокгольма. Все действие продолжалось почти двенадцать часов с одним перерывом на обед, парой, чтобы размять ноги, и двумя кофе-паузами. А закончилось оно уже после десяти вечера. Мариан Гросс отказался от предложения отвезти его домой и попросил заказать ему такси. В четверть одиннадцатого он оставил здание полиции. Охотники за убийцей Линды получили от встречи с ним нулевой результат, так что эту встречу можно было и не проводить.

Гросс хотел говорить лишь о себе самом и о проблемах, которые полиция уже почти полгода назад подбросила ему. Он ведь до сих пор мучился с ними. И все, как он сказал, из-за совершенно нелепого заявления «чокнутой женщины с работы, чьи предложения сексуального характера я отверг». Это же из-за ее обвинений закрутилась карусель, и сейчас, когда дочь его соседки убили, он стал очевидной и легкой добычей для полиции.

– Неужели вы серьезно верите, что человек вроде меня мог совершить подобное? – спросил Гросс и посмотрел сначала на Саломонсона, а потом на Рогерссона.

Никакого ответа он, естественно, не получил. Вместо этого Саломонсон слегка поменял тему с намерением каким-то образом извлечь пользу из отпечатков пальцев Гросса, которые у него взяли еще в связи с первым расследованием о сексуальном преследовании сослуживицы. К сожалению, тогда коллеги забыли про ДНК.

– Ты и мать Линды, Лизелотт Эриксон, живете по соседству уже несколько лет, – констатировал Саломонсон. – Как хорошо ты знаешь ее?

Обычные соседские отношения, не более и не менее, хотя матушка Линды, пожалуй, не возражала бы против более близкого контакта, если верить Гроссу. Вдобавок он не упустил случая поправить их.

– Ее зовут Лотта, и именно так она называет себя сама, – сказал Гросс и по какой-то причине выглядел очень довольным. – И она довольно привлекательная. В отличие от ее худющей как скелет дочери, мать выглядит так, как и должна внешне выглядеть женщина, – подвел итог Гросс.

Саломонсон решил вернуться к описанию жертвы убийства позднее.

– Но Лотта не твой типаж? – спросил он.

Слишком проста, пожалуй, даже вульгарна, на его вкус, и уж точно чересчур навязчива, а он испытывает затруднения с дамочками подобного рода.

– Кроме того, слишком старая, – добавил Гросс.

– По документам, – вклинился Рогерссон, – она на год моложе, чем ты. Ей сорок пять, а тебе сорок шесть.

– Я предпочитаю женщин помоложе, – сказал Гросс. – И какое это имеет отношение к делу?

– Ты посещал Лотту в ее квартире? – поинтересовался Рогерссон.

Гросс был у нее не единожды. Пару раз в компании с другими соседями в связи с обсуждением дел их квартирного товарищества и еще несколько раз один. В последнем случае пару недель назад.

– Она настойчиво приглашала меня, хотя я действительно старался не давать ей повода для этого, – поведал Гросс. – Как я уже говорил, она назойлива.

И где в квартире он бывал? В прихожей, гостиной, на кухне, в самых обычных местах, куда попадаешь, когда приходишь к кому-нибудь на чашку кофе. Возможно, пользовался ее туалетом.

– Тем, куда попадаешь прямо из спальни? – спросил Саломонсон.

– Я понимаю, куда вы клоните, – сказал Гросс. – И во избежание каких-либо недоразумений могу уверить вас, что моей ноги никогда не было в ее спальне. Возможно, я пользовался другим ее туалетом, тем, что в коридоре, а поскольку наши квартиры похожи как две капли воды, у меня не возникало трудностей найти его. А в остальном, если вы где-нибудь нашли мои отпечатки пальцев, те самые, которыми обзавелись преступным путем, будьте уверены, для этого есть вполне естественное объяснение.

«А он не дурак», – отметил Рогерссон.

Пальчиков Гросса в квартире, где произошло убийство, обнаружить не удалось, и даже если бы с ними повезло, при мысли о том, что он сейчас сказал, польза от такой находки была бы мизерной. Поэтому пришлось поменять тему, и речь пошла о дочери его соседки, жертве убийства.

– Я едва знаком с ней, – сказал Гросс. – Выглядела такой же эгоцентричной, избалованной и невоспитанной, как и все другие молодые дамочки ее возраста.

– Эгоцентричная, избалованная, невоспитанная. Что ты имеешь в виду? – спросил Саломонсон.

Едва здоровалась с ним в немногочисленных случаях, когда они сталкивались. Избегала встречаться взглядом и прикидывалась крайне незаинтересованной в тот единственный раз, когда они, насколько он помнил, разговаривали. И тогда все также происходило в присутствии ее матери.

Лишь около двух они прервались на обед. Время выбрал Гросс и, пожалуй, главным образом с целью досадить им. И в то время как Саломонсон организовывал питание для него, Рогерссон посетил туалет и облегчил мочевого пузырь. Выйдя оттуда, он сразу же столкнулся с Бекстрёмом.

– Как дела с нашим польским похабником? – спросил тот.

– Пришлось стравить давление, – объяснил Рогерссон. – Бегаю сейчас постоянно. Я завязал с ролью руководителя допроса. Единственно, когда мне не надо отлучаться в сортир, – это если я сижу и пью пиво в огромных количествах. Тогда у меня и мысли такой не возникает. Странное дело, конечно.

– Да, – ухмыльнулся Бекстрём. – Сам я посещаю туалет, когда просыпаюсь и перед сном. Фактически два раза в день и вне зависимости от необходимости.

– Что касается ответа на твой вопрос, там все, как и ожидалось, – сказал Рогерссон, но собеседник, как ему показалось, пропустил его слова мимо ушей.

– Вы взяли у него пробу ДНК? – спросил Бекстрём.

– Мы не успели еще с этим, – ответил Рогерссон и вздохнул. – Главным образом сидели и слушали, как плохо мы обошлись с ним, и, если тебе интересно, я уже сейчас могу сказать, чем все закончится.

– И чем же? – поинтересовался Бекстрём.

– Мы будем слушать его нытье еще три часа. Потом заявится Олссон и решит, что мы должны слушать ту же пластинку еще шесть часов. Затем поляк откажется добровольно сдать анализ ДНК, и тогда Олссон сорвется, поскольку у него не хватит терпения, предъявит ему обвинение и попросит прокурора отправить его в кутузку, так чтобы мы смогли получить пробу, не спрашивая его согласия. В итоге Гросс, коллега Адольфссон и я отправимся по домам. Каждый к себе.

– Тогда ты, по крайней мере, сможешь выпить бокал-другой пивка, – сказал Бекстрём в качестве утешения. – Я имею в виду, что тебе не понадобится постоянно бегать в сортир.

– Само собой, – согласился Рогерссон. – Гросс ведь не убивал Линду, он ничего не видел, ничего не слышал и ничего не сообразил собственными мозгами, поэтому какой от него здесь толк? Короче, подводя итог, могу сказать, что руководитель допроса впустую потратил еще один день своей жизни. А ты сам, кстати, чем думаешь заняться?

– Собираюсь посетить дурдом, – ответил Бекстрём.

15

Поскольку Бекстрём не любил сам сидеть за рулем, он позаботился о водителе для себя. Такой чести удостоился молодой Адольфссон, и, пока они спускались в полицейский гараж, комиссар успел заглянуть в душу своему помощнику.

– Это ведь ты и твой коллега нашли ее, насколько я понял? – спросил он.

– Все так, шеф, – ответил Адольфссон.

– И каким образом ты тогда оказался в розыскной группе? – поинтересовался Бекстрём, хотя уже слышал, как все обстояло.

– Народа же не хватает, сейчас время отпусков, – объяснил Адольфссон.

– Я разговаривал с Энокссоном, – сказал Бекстрём. – И послушать его, так он чуть ли не собирается усыновить тебя.

– В этом есть доля истины. Они с моим отцом охотятся вместе.

– Отпускной сезон, нехватка людей и потом Энокссон. Так все получилось, и совершенно независимо от того, что наш уважаемый комиссар Олссон думает об этом деле, – подвел итог Бекстрём.

– Да, – подтвердил Адольфссон. – Шеф, конечно, все правильно понял.

– И не в первый раз, – заметил Бекстрём, не без труда влезая на пассажирское сиденье.

«Хороший парень. Напоминает меня самого в его возрасте», – подумал он.

– Могу я задать один вопрос, шеф? – вежливо поинтересовался Адольфссон, когда они выезжали из гаража.

– Естественно, – сказал Бекстрём.

– Почему шеф решил удостоить своим визитом наш сумасшедший дом?

– Нам надо взглянуть на одного психа-преступника. Потом, воспользовавшись случаем, посмотреть на того, кто его опекает. Если повезет, мы увидим двух идиотов за один день.

– Убийцу Татьяны и доцента Брундина, осмелюсь предположить.

«Одаренный молодой человек», – похвалил его про себя Бекстрём.

– Прямо в точку, – сказал он. – Ты встречался с кем-то из них?

– С обоими, – сообщил Адольфссон. – Брундина я слушал, когда он читал нам лекции. А второго порезал ножом пациент из их отделения примерно год назад, и, когда его пришлось везти в больницу, коллега Эссен и я обеспечивали сопровождение.

– И какие они, на твой взгляд? – спросил Бекстрём. – Я имею в виду – Брундин и убийца Татьяны.

– Конечно, оба придурки, порой даже через край.

Адольфссон кивнул, чтобы добавить веса своим словам.

– И кто в большей степени?

Бекстрём с любопытством посмотрел на своего нового молодого помощника.

– Два сапога – пара, – сообщил Адольфссон и пожал широкими плечами. – У них у каждого свой бзик, если так можно сказать. Хотя с другой стороны...

– Валяй, – ободрил Бекстрём.

– Если бы мне пришлось делить комнату с кем-то из них, я, конечно, предпочел бы убийцу Татьяны. Вне всякого сомнения, – сказал Адольфссон.

Психиатрическая клиника Святого Зигфрида находилась всего в паре километров от управления полиции. Ее архитектурный ансамбль представлял собой пеструю смесь старых и вполне современных построек в окружении большого парка, который граничил с озером. При виде представшего перед ним зеленого великолепия – высокие тенистые деревья и хорошо ухоженные даже в такое сухое лето газоны – Бекстрёму невольно вспомнился Гранд-отель в

Сальтшёбадене близ Стокгольма, где Государственная криминальная полиция обычно устраивала свои конференции и корпоративы. Доцент Брундин работал в старом и со всем почтением отреставрированном здании XIX века, каменном, с белой штукатуркой.

«А нашим маньякам неплохо живется», – подумал Бекстрём, когда он с Адольфссоном вышли из машины.

– Интересно, во что все это обходится? – спросил Бекстрём, когда они позвонили в домофон на входной двери. – У психов свои теннисные корты, мини-гольф и большой крытый плавательный бассейн. Колючая проволока вокруг, наверное, не велика проблема?

– Да, в нашей стране этой категории преступников грех жаловаться, – согласился молодой Адольфссон.

Доцент Роберт Брундин походил на молодого Оскара Уайльда, хотя, в отличие от того, имел идеальные зубы, которые охотно демонстрировал, когда улыбался. Он сидел, удобно откинувшись на спинку стула, за большим письменным столом в огромном служебном кабинете и, судя по его виду, жил в полной гармонии с самим собой и окружающей средой.

Черт, как он похож на английского писателя-педика, в конце концов попавшего в тюрьму, подумал Бекстрём, который, однако, не смог вспомнить ни названия виденного им фильма, ни имени главного героя. Чертовски дерьмовый фильм и ни одной по-настоящему хорошей непристойной сцены, пусть даже в анонсе значилось, что речь пойдет о геях.

– Итак, полиция беспокоится, не выпускал ли я милашку Лео прогуляться по городу, – усмехнулся доцент и показал свои белые зубы.

– Ну, подобное, к сожалению, ранее случалось, – заметил Бекстрём.

– Только не у меня, – констатировал Брундин. – И если господа желают, я могу объяснить почему.

– Мы слушаем, – сказал Бекстрём, в то время как молодой Адольфссон уже достал черную записную книжку и ручку.

Лео, Лешек Баранский, был очень опасным человеком и, кроме того, главной жемчужиной доцента Брундина в достойной уважения коллекции аналогичных негодяев. Лео вдохновил доцента на массу статей в профессиональных изданиях по судебной психиатрии и являлся также безусловно главным персонажем бессчетного количества лекций, которые он читал.

– Исключительный пример сексуального садиста с хорошо развитыми фантазиями, – констатировал Брундин со счастливой улыбкой. – Мы с ним много разговариваем на эту тему каждую неделю, в моей практике никогда не встречалось ничего подобного. В обычном смысле он крайне одаренный человек с ай-кью более ста сорока, и его, например, могли бы взять в космическую программу НАСА в качестве астронавта, но, когда дело касается того, чтобы мучить женщин для получения сексуального наслаждения, в этом ему просто нет равных. Он обладает безграничной фантазией, если ему требуется найти новые формы для сексуального садизма.

– То есть у вас и мысли не было выпускать его? – спросил Бекстрём.

«Послушать тебя, так просто веселый парень», – подумал он, хотя и сам до конца не представлял, кого именно, врача или его пациента, имел в виду.

Брундин не собирался выпускать Лео. Зато его пожилой шеф, который, конечно, был «приличным человеком, но, к сожалению, так и не смог избавиться от свойственных его поколению либеральных взглядов на психиатрическое лечение и порой со свойственным ему упрямством очень жестко отстаивал свои позиции», неоднократно предлагал различные меры, способные, согласно его пониманию, в будущем облегчить Лео адаптацию к жизни за пределами аквариума, где его сейчас содержали.

– И какие же? – поинтересовался Бекстрём. «Почему просто не сварить клей из этого идиота?»

– Добровольная кастрация, – сказал Брундин и широко улыбнулся. – Мой шеф имел в виду, что, если бы Лео согласился на нее, ему, пожалуй, при соблюдении определенных мер предосторожности и через довольно продолжительное время можно было бы позволить, например, то или иное увольнение. Под надзором, конечно.

– Кастрация? – спросил Бекстрём. – Неужели вы все еще занимаетесь подобными вещами?

– Добровольная, естественно. Добровольная, – повторил Брундин, откинулся на спинку стула и сцепил свои длинные пальцы на животе.

– И что он решил по этому поводу? – спросил Бекстрём. «Должны же существовать какие-то пределы?»

– Он не выразил особого восторга по поводу данного предложения, – сообщил Брундин. – Такая операция полностью погасила бы его высокоразвитый половой инстинкт. Обычно он мастурбирует от пяти до десяти раз в день. Кроме того, у подобных пациентов потом ужасно растёт вес, и особенно когда они пребывают у нас. Вполне естественно, он боится потерять как либидо, так и свою внешность, которой очень гордится. Сам я также сильно, если не сказать категорически, настроен против идеи кастрации, – сказал Брундин.

– Почему? – поинтересовался Бекстрём. «Возможно, поскольку этот идиот выглядит как ты».

– Угасание его либидо, естественно, также негативно отразилось бы на его сексуальных фантазиях. В худшем случае судебная психиатрия потеряла бы его как объект для исследований, – сказал Брундин даже без намека на улыбку. – Я полагаю, господа хотят взглянуть на него, – продолжил доцент.

– Почему бы и нет, – согласился Бекстрём. «Будет о чем рассказать в кафетерии на работе».

Адольфссон довольствовался кивком, хотя в его глубоко посаженных голубых юношеских глазах блеснули искорки любопытства.

– Он лежит в изоляторе со вчерашнего вечера, – констатировал Брундин. – Нам пришлось вколоть ему успокоительное и привязать к кровати, поэтому вам, к сожалению, не удастся поговорить с ним. Возможно, он просто услышал, как кто-то из персонала рассказывал об убийстве Линды, и это привело его в сильное возбуждение.

Лешек Баранский меньше всего выглядел возбужденным сейчас, когда, похоже, глубоко спал. Он находился в закрытом отделении, в одном из изолированных боксов, чья площадь составляла примерно десять квадратных метров. Вся меблировка комнаты состояла из намертво привинченной к полу железной кровати. И на ней на спине лежал Лео, неподвижный и с повернутой вбок головой, так что его правая щека покоилась на подушке. Маленький и худой, с черными курчавыми волосами и мягкими, чуть ли не женскими чертами лица. Из белья на нем были только короткие больничные штаны с логотипом клиники Святого Зигфрида. Вытянутые руки были притянуты к туловищу кожаными ремнями, и такие же ремни, охватывавшие его раздвинутые ноги в щиколотках, фиксировали их к спинке кровати.

– Пройдет по меньшей мере шесть часов, прежде чем он очнется, – констатировал Брундин. – Мы обычно сначала освобождаем ему правую руку, а потом он в состоянии сам избавить себя от мучений, – продолжил врач и улыбнулся.

– Выглядит практично, – заметил Бекстрём.

«В то время как ты и твои товарищи стоят и наблюдают за ним через маленькое стеклянное окошко», – подумал он.

Когда они прощались с доцентом Брундином, тот пожелал им удачи в работе и выразил надежду, что у них скоро появится причина увидеться снова. Сам он уже приступил к диссертации о новой интересной группе молодых преступников иностранного происхождения, кото-

рые совершали жестокие преступления сексуального характера, поскольку сами становились объектами аналогичных действий в детстве и юности. Это по-разному и сильно отражалось на их психике и приводило к определенной негативной активности, но при этом все равно их нельзя было спутать с такими, как Лео.

– Я действительно жду встречи с убийцей Линды. Особенно когда он представляет совсем другую категорию, чем та, к которой принадлежит Лео, – сказал Брундин и улыбнулся им дружелюбно.

– Любой из нас жаждет встречи с ним, – сказал Бекстрём с глубокой убежденностью в голосе.

– Надеюсь, шеф не откажется услышать мое личное мнение? – спросил Адольфссон, когда они выехали за пределы больничной ограды.

– Валяй, – проворчал Бекстрём.

– Этот Брундин, похоже, действительно хороший парень, – сказал Адольфссон. – Человек на своем месте, как говорят.

«Ты далеко пойдешь, друг мой», – подумал Бекстрём и в ответ только хмыкнул в знак согласия.

16

После возвращения на работу Бекстрём приказал молодому Адольфссону по памяти сделать отчет об их посещении клиники Святого Зигфрида, в то время как сам разобрался с горами бумаг, накопившихся на его столе. Ничего сенсационного, опять же никого из тех, кто сидел в одной комнате с ним, не требовалось сразу пинать под зад для придания им дополнительного ускорения. Самое время пойти в отель и выпить немного пивка, решил Бекстрём, бросив взгляд на часы, и как раз тогда зазвонил его мобильник. Это был занудный коллега из подразделения ВИКЛАС, пожелавший узнать, как обстоят дела с Лео.

– Я встречался и с ним, и с Брундином, – сообщил Бекстрём.

– Брундин опекает его?

– Да, – сказал Бекстрём и снова скосился на часы. – Он, кстати, просил передать тебе привет.

– Ну, тогда можно спать спокойно, – усмехнулся коллега. – Брундин единственный абсолютно нормальный человек в нашей психиатрии. Как Лео себя чувствует?

– Лучше не придумай. Катается как сыр в масле, он тебе тоже передавал привет, – сообщил Бекстрём и отключил свой телефон.

По пути к выходу он прошел мимо комнаты Рогерссона, чтобы узнать, не освободился ли тот на сегодня, но красная лампа над дверью комнаты для допросов еще горела.

«Шесть плюс шесть часов», – отметил Бекстрём, и в худшем случае он ведь мог заказать такси.

«Кому хочется тащиться пешком по такой жаре», – подумал Бекстрём и достал из кармана мобильник, но, прежде чем успел набрать номер, неизвестно откуда появилась собственный кризисный терапевт разыскной группы, худая, как клюшка для гольфа, вдобавок немного выше его, и почти сразу же на него набросилась.

– Как хорошо, что я смогла застать комиссара, – сказала она и дружелюбно улыбнулась ему, немного склонив голову набок. – У тебя найдется несколько минут для меня?

– Чем я могу помочь тебе, Лу? – поинтересовался Бекстрём тоже с дружелюбной улыбкой.

«Лучше разобраться с этой бабой, пока я еще в тонусе», – подумал он.

Прошло несколько минут, прежде чем Лу перешла к делу. Но поскольку Бекстрём в малейших деталях представлял, как вести себя с ней, ему доставляло огромное удовольствие наблюдать, как она сама сунула свою худую шею в приготовленную им петлю.

– Ты почти единственный, с кем я еще не разговаривала, – констатировала Лу.

– Как ты наверняка понимаешь, у меня хватало хлопот. – Бекстрём одарил ее нежным взглядом и многозначительно кивнул.

«Даже не нашлось времени поболтать с такой ужасно занудной женщиной, как ты», – подумал он.

– Я это очень хорошо понимаю, – согласилась Лу и, наклонив голову набок еще на несколько сантиметров, одарила его почти вертикальной улыбкой.

– Приятно слышать, – заметил Бекстрём со спокойной миной, одновременно опробовав задумчивый кивок, который берег как раз для таких случаев.

Если верить Лириан Олссон, именно Бекстрём, в силу его огромного опыта в качестве специалиста по расследованию убийств ГКП, должен был видеть больше грязи и мерзостей, чем все другие его коллеги.

– Как тебе удается справляться со всем этим? – спросила Лу. – Наверняка ты постоянно испытываешь тягостные душевные переживания?

– О чем ты? – вопросом на вопрос ответил Бекстрём.

«Им нельзя давать самой крошечной щелки, иначе все пропало», – подумал он.

Грязь и мерзость на работе? У многих полицейских, если не сказать у большинства, профессия забирает слишком много физических и нервных сил, доводя до полного истощения. Они длинными рядами маршируют по этому пути, заполняя промежутки между сменами алкоголя и сексом в запредельных количествах.

– А это ведь наихудший способ борьбы со своими психологическими проблемами, – сказала Лу.

Хотя чертовски веселый, подумал Бекстрём, кивнув в знак согласия.

– Трагично, – сказал он и с приязнью покачал головой. – Трагично. – «Пожалуй, стоит наметнуть ей о коллеге Левине и крошке Сванстрём».

– Я встречала даже молодых полицейских, у которых еще в полицейской школе развилась сильная нервная анорексия, то есть отсутствие аппетита, – продолжала Лу.

– Да, это трагично, – повторил Бекстрём. – Молодые люди.... Весьма трагично. – Он тяжело вздохнул. «Но, если вспомнить о жрачке, которую там подают, для меня большая загадка, как они вообще едят».

По мнению Лу, основанному на опыте ее многолетней работы психологом в полиции, причины следовало искать в полицейской культуре, в духе «мачизма, отрицания, замалчивания в единении с разрушительной неводержанностью», который все более проникал в полицейскую среду и оказывал парализующее действие на всех тех, кому приходилось там трудиться. Сама Лу чувствовала, как поток негативной энергии устремлялся на нее с пола, потолка и со стен, едва она входила в здание полиции.

– Как ты справляешься со всеми этими травмирующими переживаниями, Бекстрём? – повторила она свой вопрос и ободряюще покачала головой.

– С помощью Господа нашего, – ответил он, воздев глаза к потолку ее кабинета.

«Да пошла ты куда подальше, сучка!»

– Боюсь, я не совсем поняла тебя, – нерешительно улыбнулась Лу.

– Нашего Господа, – повторил Бекстрём торжественным тоном. – Всемогущего Отца нашего, Творца земли и небес, который служит моим Провожатым на жизненном пути и к кому я также обращаюсь за утешением в часы невзгод.

Наверное, так выглядит человек перед тем, как у него отвалятся рот и уши, подумал он, увидев реакцию собеседницы.

– Я понятия не имела, что ты так религиозен, Бекстрём. – Она внимательно на него посмотрела.

– О подобном не кричат на каждом углу, – ответил Бекстрём, бросив укоризненный взгляд на психолога, и покачал головой. – Это между мной и Господом нашим.

– Я тебя хорошо понимаю, – закивала Лу. – Но одно ведь не исключает другого, – продолжила она. – У тебя никогда не возникало мыслей об альтернативных... Использовать другие способы сбросить камень с души, я имею в виду.

– О чем тогда речь? – спросил Бекстрём угрюмо, насупил брови и дал ей испробовать настоящий полицейский взгляд.

Пора закрутить гайки, подумал он.

– Ну, например, различные формы терапии, вроде дебрифинга, он ведь фактически относится к ним, – сказала Лу и натужно улыбнулась ему. – Моя дверь всегда открыта, и многие верующие...

– Мне не нужны другие боги рядом со мной, – взорвался Бекстрём и указал в ее сторону рукой, поднимаясь со стула. – Я имею в виду ту самонадеянность, которую ты и твои коллеги демонстрируете, когда пытаетесь занять место Творца. Разве ты не понимаешь, что тем самым вы нарушаете первую заповедь?

Или же вторую? Хотя какое это имеет значение, подумал он.

– У меня и в мыслях не было вывести тебя из равновесия, я действительно не хотела...

– Все дела человеческие – суета и томление духа, – перебил ее Бекстрём. – Екклезиаст, глава двенадцать, стих четырнадцать, – продолжил он, не спуская с Лу взгляда. Он ляпнул это наобум и рисковал опростоволоситься, но она, похоже, не отличалась особой религиозностью.

– Я искренне извиняюсь, если оскорбила тебя, – пробормотала Лу и еле заметно улыбнулась.

– Моя дверь всегда открыта, – сказал Бекстрём и открыл дверь ее кабинета, стараясь тем самым придать больше значимости своим словам. – Ты должна понять, Лилиан, – продолжил он высокопарным тоном. – Мы – люди... мы предполагаем, а Господь располагает.

«Самое время запереться в сортире, где я смогу спокойно отвести душу», – подумал Бекстрём и закрыл за собой дверь.

Придя в отель и поднявшись в свой номер, он сразу же налил себе холодного пива.

– У тех, кто пьет прямо из банок, наверное, не все в порядке с головой. Чертовы неандертальцы.

Бекстрём сделал несколько больших глотков и жадно слизал пену с верхней губы. Потом он завалился на кровать, включил телевизор и принялся перелистывать телефонные сообщения. Таких набралось немало, и большинство из них были от Карин с местного радио. В последнем, полученном всего несколько часов назад, она уверяла, что «нам не понадобится болтать о работе», и с целью продемонстрировать благие намерения даже дала ему свой домашний номер. «Могу я пригласить тебя перекусить в каком-нибудь укромном местечке?»

Женщина в опасности, подумал Бекстрём и потянулся к телефону на своей тумбочке.

– Она, похоже, уже на грани, – решил он, набирая ее номер.

Укромное местечко представляло собой маленький трактир, где часть столиков стояла под открытым небом и откуда открывался вид на очередное смоландское озеро. Трактир находился на приличном расстоянии от города, но такси Бекстрёму оплачивал работодатель, так что это не создавало ему проблем.

«Слава богу, ни одного чертова журналиста пока, во всяком случае, если верить моим глазам старого сыщика», – подумал он, выдвигая стул для своей спутницы.

– Наконец мы одни, комиссар. Ура, ура, ура. – Карин улыбнулась и губами, и глазами. – Что ты хотел бы съесть? Я угощаю.

– Ни в коем случае, – запротестовал Бекстрём. Он еще в такси решил оформить свою переработку как встречу с еще одним тайным осведомителем, и, естественно, в качестве доказательства ему требовался счет.

– Я хотел бы отведать чего-нибудь вкусного, – продолжил он, скосившись на загорелые руки и ноги своей спутницы. На ней было тонкое летнее платье, три верхние пуговицы которого она, вероятно, забыла застегнуть.

Пожалуй, платье слишком легкое, подумал Бекстрём.

– Все прошло просто отлично, – подвел он итог вечера, когда оставил свою даму перед подъездом ее дома. Все ее попытки перевести разговор на убийство Линды он сразу же пресекал. А чтобы поддерживать беседу и как бы между делом рассказать немного о себе, предложил ей обычную полицейскую классику и в заключение надавал щедрых обещаний на будущее.

– Ты ведь, наверное, понял, что я чувствую, – вздохнула Карин, катая в ладонях бокал с вином. – Люди должны знать, что происходит. Пусть даже речь идет об убийстве. Убили ведь нашу, местную девушку.

– Большинство из того, что пишут в газетах о нашем убийстве, просто пустая болтовня, если это как-то тебя утешит, – сказал Бекстрём.

Чего не сделаешь ради баб, подумал он.

– Неужели? – воскликнула она с искоркой надежды в глазах.

– Мы поступим так... – Бекстрём наклонился вперед и как бы случайно коснулся ее руки. – Как только я доберусь до этого идиота и буду уверен, что это действительно он, обещаю, ты первой все узнаешь. Только ты. Никто другой.

– Ты обещаешь? На сто процентов? – спросила Карин и посмотрела на него.

– На сто процентов, – солгал Бекстрём, не убирая ладони с ее руки. – Ты, и только ты.

«Как все просто», – подумал он.

Придя в отель, он сразу же взял курс на бар. Только три бокала пива за весь вечер, а его мучила жажда, как верблюда, проделавшего путь от Иерусалима до Мекки. В дальнем углу вдобавок сидел Рогерссон с огромной емкостью янтарного напитка и, судя по его виду, пребывал в ужасном настроении. Два десятка журналистов и другие, находившиеся в заведении гражданские, по какой-то причине предпочли сидеть на максимальном удалении от него.

– Я пообещал сломать руку первому из стервятников, который попытается сесть рядом со мной, вот все и отстали, – объяснил Рогерссон. – Что будешь пить? Кстати, теперь моя очередь угощать.

– Большой бокал крепкого, – сказал Бекстрём и махнул официанту, который по какой-то причине выглядел довольно настороженным.

«Ты всегда так дипломатичен, Рогге», – подумал он.

– Случилось что-нибудь? – спросил Рогерссон, когда Бекстрём получил свое пиво и успел слегка утолить жажду.

– У меня состоялась долгая беседа с нашим собственным кризисным терапевтом, – сообщил Бекстрём и ухмыльнулся. – Потом мне пришлось идти в сортир. То есть получается три раза сегодня.

– По-моему, ты нормальный человек. На кой тебе болтать с подобной дамочкой, – вздохнул Рогерссон и покачал головой.

– Послушай, – сказал Бекстрём и наклонился над столом. Далее он рассказал всю историю. Рогерссон заметно оживился, и они еще долго сидели и влили в себя несколько порций шнапса, которые Бекстрём велел бармену внести в счет за номер, так что за все должен был заплатить работодатель.

К тому моменту, когда пришло время подниматься к себе и ложиться спать, заведение уже почти опустело. Рогерссон выглядел значительно веселее и даже пожелал спокойной ночи немногочисленным репортерам, которые еще оставались и явно намеревались напиться.

– Езжайте домой, глупые черти, – сказал он.

17

Векшё, вторник 8 июля

Явно не все журналисты последовали совету, данному им Рогерссоном предыдущим вечером, поскольку уже за завтраком Бекстрём и его коллеги смогли познакомиться с последней сенсацией в самой большой из вечерних газет. «ОН ПЫТАЛСЯ УБИТЬ СОСЕДКУ ЛИНДЫ», – сообщал огромный заголовок, в то время как большая статья на полосах шесть, семь и восемь описывала в ярких красках всю историю: «Убийца полицейского попытался лишить жизни и меня тоже. Соседка Линды Маргарета рассказывает».

– О чем, черт возьми, речь? – спросил Бекстрём Рогерссона, который молча сидел за рулем их служебного автомобиля, когда они преодолевали путь в четыреста метров от отеля до здания полиции. – «Около трех часов ночи я проснулась оттого, что кто-то пытался проникнуть в мою квартиру, – прочитал Бекстрём вслух. – Но обе мои собаки начали неистово лаять, и тогда он убрался восвояси. Я слышала, как он бегом спускался по лестнице». Что это за чертовщина? – повторил Бекстрём. – Почему она молчала раньше? Мы ведь допрашивали ее по крайней мере пару раз?

– С ней беседовали трижды, – уточнил Рогерссон коротко. – Я читал все протоколы. Сначала она разговаривала с прибывшим на место патрулем. Потом коллеги из местной полиции лена долго общались с ней и даже взяли подписку хранить молчание. Затем ее допросили в третий раз в связи с поквартирным обходом.

– И ни слова о ком-то, пытавшемся проникнуть в ее квартиру?

– Ни звука, – сказала Рогерссон и покачал головой.

– Позжай к ней домой и побеседуй с ней снова, – приказал Бекстрём. – Сразу же. И прихвати с собой Саломонсона.

– Конечно, – кивнул Рогерссон.

– Неужели все так просто и это правда, – предположил Бекстрём. – Тот же самый псих позвонил Линде, и у нее хватило глупости его впустить?

Утреннее совещание прошло не лучшим образом, несмотря на то что его вел сам Бекстрём. Большинство, похоже, просто сидели и ждали доклада экспертов, и прежде всего обещанного и крайне интересного сообщения из Государственной криминалистической лаборатории относительно типа ДНК преступника. Основная часть времени ушла на дискуссию о том, что все прочитали в газете в то же утро и что очень глубоко задело Бекстрёма. Надо же, средства массовой информации неожиданно перехватили инициативу в его собственном расследовании убийства. Но он не собирался обсуждать ситуацию с коллегами.

Как часто случалось ранее, мнения разделились.

– Я думаю, она просто не осмелилась рассказать это нам, когда мы допрашивали ее. Боялась просто-напросто, – сказал тот, кто решился высказаться первым.

– Но есть и другая возможность. Она ведь фактически могла придумать все с целью привлечь внимание к своей персоне или озвучила сфабрикованную журналистами сенсацию, – возразил следующий.

– Не исключено, что истина лежит где-то посередине, – констатировала третий. – Например, ее собаки принялись лаять среди ночи, но вовсе не из-за кого-то, пытавшегося проникнуть к ней в квартиру. Причиной ведь мог стать какой-нибудь автомобиль или пьяница на улице?

Таким образом все продолжалось еще час, пока Бекстрём не взял бразды правления в свои руки и не прервал дебаты.

– Разберемся, – сказал он и повернулся к Энокссону, который также пока не проронил ни звука. – Есть смысл отправлять тебя и твоих парней туда, чтобы снять отпечатки пальцев с ее двери?

– Они уже в пути, – сообщил Энокссон.

«Наконец-то, – подумал Бекстрём. – Настоящий полицейский».

После совещания Бекстрём отвел в сторону коллегу Сандберг, чтобы снова дать отдых своим усталым глазам и одновременно выяснить, как продвигались дела со свидетелями в окружении жертвы.

– Как дела, Анна? Что с проверкой тех, кто был в кабаке в четверг вечером? – спросил Бекстрём и дружелюбно улыбнулся.

По данным ассистента Сандберг, речь шла примерно о двух сотнях человек, которые либо находились в самом заведении, когда Линда появилась там после одиннадцати, либо пришли туда в течение вечера, пока она еще оставалась там. Из них опросили уже почти сотню. Большинство добровольно дали о себе знать, когда полиция через местные средства массовой информации обратилась к ним с просьбой помочь следствию. В данную группу входило также шесть товарищей Линды по полицейской школе, ее подруга, работавшая в полиции на гражданской должности, а также еще четверо полицейских, включая Анну Сандберг.

– И у тебя нет никаких подозрений в отношении кого-то из нынешних или будущих коллег, – констатировал Бекстрём.

– Нет, – ответила Анна, явно не обрадованная вопросом. – По крайней мере, я не обнаружила ничего такого. Ответ отрицательный.

– Как тогда обстоят дела с другими? – продолжил Бекстрём. – В том районе хватает всякой шпаны? Станных типов, которые не дали знать о себе? Что нам известно о них?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.